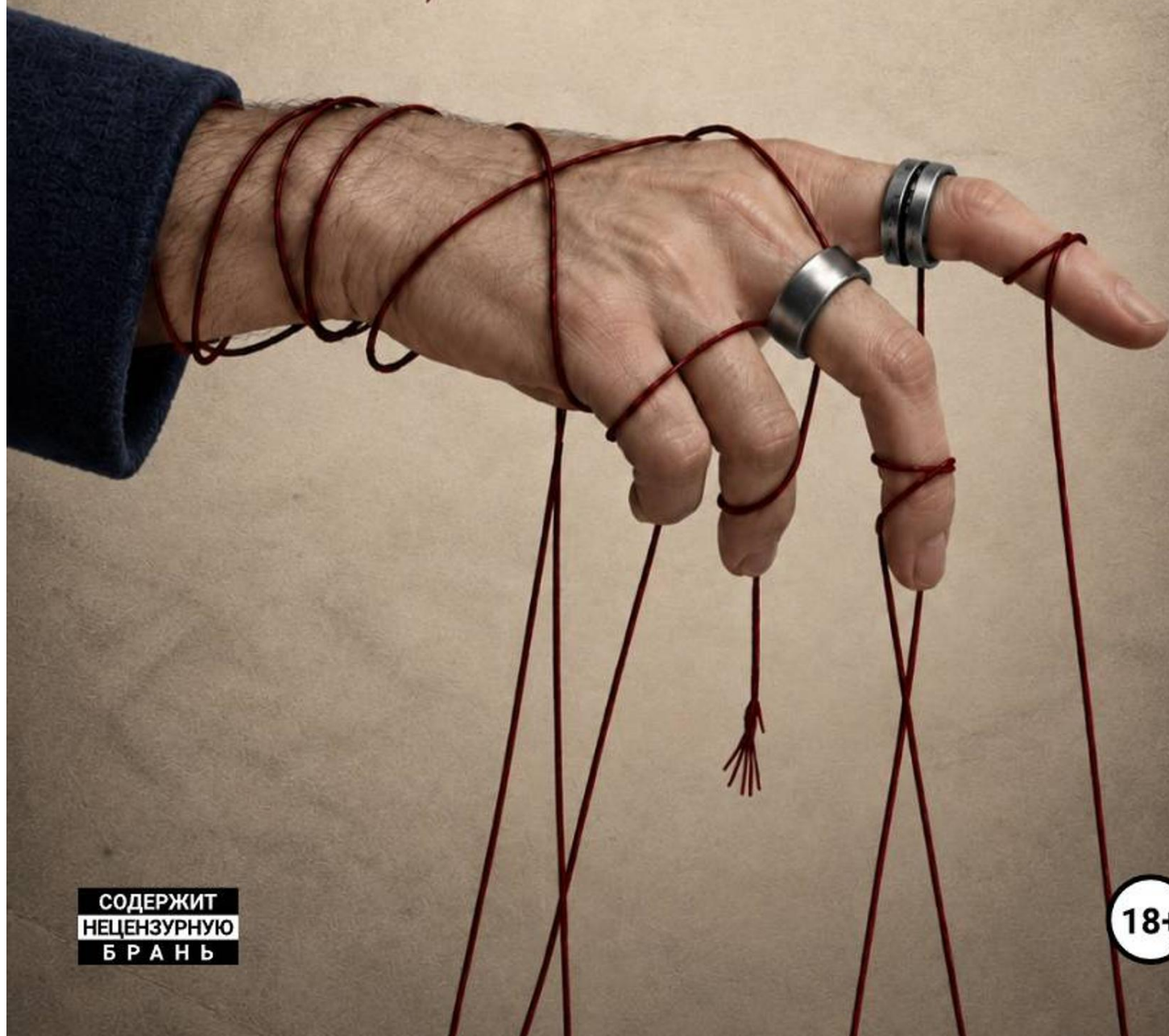

АЛЕКСЕЙ СИЗЫХ

Манипулятор.

На разрыве страстей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Сизых

**Манипулятор. На
разрыве страстей**

«Автор»

2026

Сизых А.

Манипулятор. На разрыве страстей / А. Сизых — «Автор», 2026

«Манипулятор. На разрыве страстей» — психологическая драма о непринятии устоявшихся стандартов общества. Главный герой Алексей Перф встречается реальную жизнь наивным пленцом, и это его разбивает. В отчаянии он решает искать стратегию, которая докажет его правоту. Он ищет правду в дружбе, справедливость в любви, силу в боли. Страсти нарастают, разговоры становятся оружием, а игра начинает пугать. Перф учится играть лучше, открывая новые тёмные пути к победе. Но это лишь начало: история манипулятора только начинается — и за спиной Перфа остаются те, кому ещё предстоит сделать свой выбор.

© Сизых А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ресторан «Бурый медведь»	5
Глава 1. Гроза	8
Глава 2. Мужское и Женское	12
Глава 3. Маленький человек	15
Глава 4. Надо было сказать «нет»?	18
Глава 5. Путешественник	22
Глава 6. Петросян	29
Глава 7. Ни слова вслух	33
Глава 8. Война и мир	37
Глава 9. Мужская солидарность	43
Глава 10. Сердца трех	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Сизых

Манипулятор. На разрыве страстей

*«Во мраке пошлости любовной
обрезал нитку кукловод»*
Алексей Сизых

Ресторан «Бурый медведь»

Осенним вечером было уже очень холодно, чтобы разгуливать по улицам и любоваться природой, но ещё слишком тепло, чтобы отсиживаться дома.

В ресторане «Бурый медведь» оставалось немного посетителей, поток пошёл на спад. Мужчина в белом пальто зашёл внутрь и остановился около стенда с меню. Он выглядел богато, но его манеры и движения казались скромными, даже неловкими.

— Добрый день, могу я вам что-то подсказать? — обратилась к нему молодая хостес. Мужчина не заметил её сперва, прошёл мимо. Но когда она с ним заговорила, он неуклюже заулыбался и потерялся в ответе.

— Да... — он сделал короткую паузу, чтобы собраться с мыслями. — У меня забронирован вип-зал. Скажите, я могу там изучить меню?

— Конечно, барная карта и меню будут предоставлены каждому гостю вип-зала, если вы ожидаете гостей... — девушка слегка запнулась, увидев, что один из гостей жестом попросил её подойти. — Я могу вас проводить?

— А можете подойти ко мне через пару минут. Я бы хотел всё-таки посмотреть, что вы предлагаете. Вдруг сделаю заказ сразу.

— Хорошо, я отойду к гостю, потом сразу вернусь к вам.

Мужчина изучать меню не стал. Он посмотрел вслед уходящей девушке и потревожил гостя за ближайшим столиком. Этот гость сидел прямо за стендом, с виду зажиточный гражданин среднего статуса. Но выглядел он серьёзным и спокойным. Мужчина в пальто шепнул ему что-то и незаметно передал несколько купюр крупных денег, а в ответ получил одобрительный кивок головой. Когда хостес вернулась к нему, он взглядом направил её нарочно в противоположную сторону от вип-зала, а двигался, напротив, в нужную сторону. Путь проходил мимо гостя, который сидел за стендом.

— Где я могу оставить своё пальто? — размашистым движением он стал сбрасывать верхнюю одежду с плеч и не заметил, как рукавом опрокинул бокал вина сидящего рядом гостя. — Прошу прощения, молодой человек, — он прильнул вытирать разлитое вино салфетками, но хостес остановила его.

— Простите, — сказала она, — позвольте мне, — она достала из кармана своего фартука тряпку, вытерла стол до идеальной чистоты и обратилась к пострадавшему гостю: — Мы предложим вам ещё одну бутылку бургундского вина за счёт заведения.

— Да нет, не стоит, — начал отговаривать её гость в смущении.

— Позвольте сделать вам комплимент, — с улыбкой настаивала хостес, — ведь вы сделали комплимент, когда решили стать нашим гостем.

Гость сдался и был доволен. Девушка пригласила мужчину в пальто пройти наконец в вип-зал. Он находился на втором этаже ресторана, и чтобы до него дойти, нужно было пройти через весь зал на первом этаже, и в обратном направлении — на втором.

— Мне очень неловко, что так вышло с тем гостем...

— Не переживайте за это, — хостес хотела его успокоить и попробовала усилить свою попытку улыбкой и тёплым взглядом.

— Всё-таки дослушайте, — остановил её мужчина. — Запишите бутылку бургундского на мой счёт. Для меня это мелочь, и вы порадуете, если не откажете... — Он посмотрел её имя на бейдже. — Анастасия.

— Ну... — девушка растерялась. — Раз уж вы настаиваете... Спасибо вам, мы... я очень ценю ваш жест.

Они смотрели друг на друга ещё мгновение, пока не стало неудобно. Они уже почти дошли до вип-зала.

— Какое у вас интересное расположение. Я бы мог уже столика три опрокинуть.

— Да, — девушка поддержала его настрой, — по правде говоря, у нас нечасто посещают вип-зал, ведь посмотрите вокруг, — она рукой показала ему вид со второго этажа на первый, — заведение восхищает своей атмосферой.

— Вы правы, — мужчина показал своё удовольствие от их беседы. — Я уже бывал у вас. Полагаю, вы недавно в коллективе?

— Да, вы раскусили. Первый день после стажировки, — она открыла дверь в вип-зону и стала рассказывать ему об услугах. — Если вам что-то потребуется, нажмите кнопку справа...

— Спасибо, я разберусь, — перебил он её, будто переменив своё настроение. — Сделайте ещё кое-что для меня, если вас не затруднит.

— Конечно, чем могу помочь?

— Перед входом меня встретила голодная собака...

— Мы сейчас же этим займёмся, — перебила она его.

— Да, отведите её за угол и накормите, — он достал десять тысяч рублей из кошелька и протянул девушке.

— Что? — Анастасия неуверенно взяла деньги и стояла в ступоре. — Вы... уверены?

— Да. — Он отвечал ей томно. — Собака заслуживает еды. А за углом она не станет пугать посетителей. Если приду ещё раз, а она будет здесь, сделаем то же самое, тогда она с самого начала будет поджидать за углом.

— А вы благородный, — заметила девушка, обрадовавшись данному заданию. — Я прослежу, чтобы всё было так, как вы сказали.

— Спасибо, девушка, — сказал он ей напоследок, будто забыв её имя. Но на самом деле он просто завис над портретом, который висел на стене.

Это был портрет русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского. Прямо под ним висела полка, на которой были собраны все крупные труды писателя. Зал был просторным. Слева от двери стоял большой бильярдный стол, а на стене рядом — принадлежности для игры. Справа стоял угловой книжный шкаф и комод с настольными играми. В дальнем правом углу расположился большой письменный стол с тремя креслами, а в левом углу была зона релаксации: два массажных кресла, диваны, оформленные под медвежью шерсть, и большой обеденный стол, украшенный двумя канделябрами на тёмно-зелёной плотной скатерти.

Портрет висел между письменным столом и зоной релаксации, а под полкой с книгами расположился декоративный камин. Стены были сделаны под классический кабинет: деревянные панели от пола примерно на полметра, а сверху — тёмно-зелёные стены.

Мужчина стоял и смотрел на портрет писателя минут пять. Он положил своё пальто на письменный стол, и белый цвет в его образе полностью исчез: он был одет в чёрное — рубашка, брюки и туфли. В его образе блестели только кольца на указательном и среднем пальцах правой руки.

— Я снова перед тобой... И снова я один. — Мужчина стал говорить с портретом, а в глазах его стали переливаться слёзы, но голоса он не изменил. — Ты всё знал... Ты пытался меня предупредить. А я не смог сдержаться. Уже три года...

Он отвернулся от портрета, стал осматривать весь зал.

— Столько лишений — ради нескольких квадратных метров... Ради лишних десяти тысяч. Ради того, чтобы стоять выше всех и видеть, как другие страдают, считают каждую монету, а плачут лишь потому, что их не замечают.

Мужчина нажал на кнопку для вызова официанта. К нему пришёл молодой парень буквально через минуту.

— Давид, — начал мужчина обращаться сразу по имени, — принеси мне стейк... И скажи Насте, чтобы пропускала сюда всех, кто скажет, что пришёл к Перфу.

— А имя?

— Ты слышал, что я сказал. Сделай всё так, как слышал.

— Я вас понял, — парень растерялся и заметно помрачнел. Он собирался уходить.

— Постой, — остановил его Перф и подошёл к нему на расстояние вытянутой руки. — Прости меня. Люди, которых я жду, знают, что нужно сказать. А теперь можешь идти. Рассчитывай на чаевые, но не задавай лишних вопросов. Я на тебя надеюсь.

Паренёк заметно оживился и поспешил исполнять его просьбу. Перф присел за обеденный стол и стал дожидаться заказа.

— Перф... Ты никогда не знала меня под этим именем... — Он сказал это в пустоту, а голова его стала наполняться воспоминаниями. Он взял в руки книгу, открыл её и вернулся в то время, когда читал её впервые.

Глава 1. Гроза

Тепло на душе, когда комнату наполняет свет настоящего огня от маслянистых тихих свеч. Когда солнце завершило свою работу и ушло на отдых. Когда шум назойливых голосов детей или пьяниц с улицы сменяется шумом назойливых мыслей в голове. Будь то насущные проблемы или просто наивные переживания. Но свечи... Огонь... Стоит лишь раз взглянуть — и не освободишься от чувства зависти: в таком пылу да ровно. В наше время свечи достают лишь на праздники, они больше не служат основным источником света. Даже если отключат электричество, их достанут лишь в случае, если батарея телефона разряжена. Так и живёт современный мир, но этого так мало, чтобы хоть на долю его понять...

И днём и ночью истязающие свой разум досаживали в собственном бреде допоздна. В десяти километрах от Иркутска, в тихом городке Шелехове, началась гроза. Свет потух. Из окон панельных домов видны тусклые фонари. Люди включили телефоны. Некоторые окна освещались ярче: рецепт до жути прост, но и в нём есть какая-то романтика — налить рюмку водки и поставить её на фонарь телефона. Многие дачники используют этот способ, чтобы на летней веранде вечером попить чай с семьёй, но чтобы мошки не так доставали. Рюмка рассеивает свет, хоть он и совсем не ярче. Его будто просто больше, но он слабее. Быть может, этого достаточно, чтобы мошки не налетели, а может, их просто не видно. В квартирах это могло создать хоть какой-то комфорт: ничто не слепило глаза. Свет от рюмки дробился о наклонные стенки, оставляя на потолке размытые кольца — точно кто-то невидимый водил по штукатурке масляной кистью. На секунду можно было забыть, что за окном — панельная пятиэтажка, а в подъезде пахнет сыростью и чужими котлетами. Рюмка стояла на экране — и вдруг квартира становилась похожей на старую фотографию, где все предметы мягкие, приглушённые, а время становилось неважным. Главное было — не пошевелиться, чтобы свет не качнулся. В этом движении, будто разрывающем хрупкую гармонию, чувствовалась жизнь, которую люди так стараются приручить. Но именно такие моменты — когда телефон лежит экраном вверх, а на стекле дрожит блик — заставляют сердце биться медленнее и слушать тишину внутри себя.

Какие-то семьи любили занять себя разговорами о великом, о душе, а может, и наоборот, просто вспомнить историю с работы. Когда в наше время всё чаще встречается проблема отцов и детей, такие разговоры могли задать курс семейной жизни на месяцы вперёд. Другие же от скуки уходили спать, разбредались по комнатам, мечтали в тишине или грустили, вспоминая бывшую любовь, друзей или просто плохие времена. Грозы не спрашивают людей об их планах, не говорят о чувствах. Гроза идёт... Её не осудят. Она просто есть, и никто не сможет ей помешать. Во власти над Землёй ей дышится легко. Тотально она управляет миром, и лишь смирение с ней остаётся людям. Как бы не так...

Но каждый находил себе своё. Однако в большинстве случаев можно было угадать, кто чем занимается.

Квартиры замерли, телевизоры выключены. Если открыть окно, можно услышать, как кто-то в соседнем доме споткнулся в темноте. Или можно прислушаться к беседе ветра и деревьев. Хотя вряд ли в наше время кто-то сможет отозваться об этом так сентиментально. На улице темно, изредка вдали пробегают фары — и вновь становится темно. Холодный свет телефонных фонарей будто нагоняет стужу. Но в одном из окон вдруг потух белый свет и тут же мягко возгорелся жёлтый...

«Третий сын...» Почти самое начало последнего романа Достоевского. Парень сидел в квартире, наполненной тёплым завораживающим мягким светом, слегка задержался, представляя себе, что Фёдор Михайлович сейчас заденет его за живое. Кстати, зовут его тоже Алёша, из-за чего эта глава книги зародила в нём бушующую интригу. Только этот был вовсе не Карамзов. Для пушного антуража он решил зажечь свечи и выключить телефон. Так в нём зародился

ещё много лет волнующий его вопрос: как в этих условиях хоть что-то увидеть? Потому что текст был еле разборчив. Держать книгу ближе к свече было тоже ему трудно, потому что его дыхание сбивало огонь. Страницы книги стали волнующимся морем. Но эти проблемы только больше разогревали в нём интерес. В конце концов он прочитал эту главу, и уж под самый её конец дали электричество. Лёша встал, повключал все лампочки, отложил книгу и стал готовить себя ко сну.

— Третий сын Алёша... — он даже не заметил, что произнёс это вслух. Его поражало, как много общего он нашёл для себя в описании этого персонажа. Хотя вообще-то он и совсем не был похож на него, но пытался всё равно увидеть в нём себя, чтобы больше проникнуться в историю. Его душа словно губка впитывала всю сентиментальность, которую можно и нельзя было вообразить. Он думал, что уникален в этом, видел в этом свою особенность. Может, это так и было, а может, это совсем не так. Во всяком случае, в его душе находилось место всему. Из счастья и горя он мог создать себе романтику и хотел, чтобы все так могли. Но нужно ли это всем? Как люди хотят жить? Каково им будет жить, не понимая того, что понимает Лёша? И есть ли в этом хоть какая-то значимость? Он задавал себе эти вопросы слишком редко, но, когда задавал, отвечал себе на них строго и точно. И каждый раз, когда этот ответ уже складывался в законченную фразу, внутри него просыпался холодный спорщик — тот самый, что всегда сомневался. «А что, если благодетель — это лишь красивое слово, которым ты прикрываешь свой страх быть как все?» — шептал голос. И Алёша снова прокручивал в голове свои поступки за день. С кем поздоровался, кому улыбнулся, кому не ответил на сообщение. Каждый жест, каждое слово он переворачивал, как страницу, стараясь разглядеть в нём скрытый смысл. Но выходило всегда одно: он жил не для того, чтобы нравиться, а для того, чтобы оставаться цельным. И это ощущение — собранности, даже если вокруг хаос — давало ему странное, почти физическое тепло в груди. Будто внутри зажглась ещё одна свеча, невидимая, которая не мерцает, а горит ровно и спокойно: «Я буду жить так, как вижу себе благодетель. Я считаю свои поступки благими, а значит, мои мотивы таковы. Я уверен в том, что нет ничего истинного, а значит, всегда буду стараться доказать обратное...»

Как и любой ребёнок, он хотел бегать, играть, рисовать... Как любой ребёнок, он хотел смеяться. Он хотел, чтобы его развлекали, водили куда-то. Он хотел дружить, хотел просто веселиться. Ребёнку надо радоваться жизни... Нет даже смысла объяснять зачем, просто надо. Он не знал, чего ему не хватает, чтобы радоваться. В детском саду у него был всего один друг, но и тот ему был скучен. Лёша много думал, но не знал, куда деть свою детскую энергию.

На шестой день рождения родители купили ему конструктор. Лёша слезно радовался. Ему купили поезд, который ещё несколько часов собирать надо, прежде чем играть с ним. Конструкторы освободили родителей от дилеммы, как же занять ребёнка. Лёша начал понимать, что он хоть и не знает, чего ему не хватает, но, кажется, понимает, как это узнать. Он начал развивать фантазию: конструкторы, рисунки, улица. Но улица была пустой. Он придумывал диалоги в голове, репетировал их, менял интонации, жесты, даже то, как он будет держать руки в карманах. Но когда дело доходило до реального человека — голос садился, слова выходили скомканными, будто их раздавили в ладони. Тогда он возвращался к конструкторам. И там, среди пластиковых шестерёнок и металлических гаек, он мог быть инженером, архитектором, разрушителем, дирижёром, управляющим миром с помощью одного только движения пальцев. Никто бы не понял, что этот мальчик не просто играет, а выстраивает внутри себя целую вселенную, в которой ему не страшно быть собой. Каждый день он придумывал что-то новое. Но он был один. И это его устраивало. Или так казалось по ночам, когда комната погружалась в темноту и только фонарь за окном рисовал на стене дрожащую полосу. В такие моменты он сжимал в руке какой-нибудь маленький предмет — колесо от конструктора, пустую катушку, стёртый ластик — и чувствовал, что он что-то держит. Это «что-то» становилось его якорем. Он мог сидеть так полчаса, не двигаясь, и не чувствовать одиночества.

Потому что одиночество было ему не врагом, а тихим собеседником. С ним можно было молчать и не объяснять ничего. С ним не надо было притворяться и бояться осуждения. Он был у себя дома, даже когда дом казался чужим. Заниматься спортом, кататься на велике, ходить на кружки, да даже разговаривать с ребятами на площадке — Лёша боялся. Он даже дома то стеснялся говорить. Мир ребёнка понятен лишь тому, кто его придумал. И не дай Бог его кто-то засмеёт. Лёша понимал, что это его разобьёт, поэтому молчал. Но годы шли, потребности росли, от конструкторов ломались шкафы, а Лёша смотрел на других и завидовал, что он не такой. Но он добрый, вот только оценят ли это люди? Он этого не знал. И снова испугался.

Лёше было двенадцать лет, когда во дворе у мальчишек случилась потасовка. Это было смешно, дети смеялись... В одного мальчика кинули камень. Совсем крохотный, да и кинули слабо. Но попали ему в самое больное для мальчишки место. Весь двор с хохотом наблюдал за красотой симбиоза гнева, стыда и нелепости. Лёша стоял с бутылкой какого-то напитка и смеялся со всеми. Он знал мальчишек, хоть и никогда с ними не общался. И вот к нему подошёл парнишка, высокий, улыбчивый. С виду сразу думаешь, что девчонки со двора за ним стоят в очереди. Лёша напрягся, но его он заинтересовал. Что же такому классному парню может понадобиться от такого, как Лёша?

— Привет, ха-ха, ты знаешь этих ребят, ха-ха-ха... Что у них произошло? — спросил приветливый мальчишка, никак не способный остановить смех. А смех этот очень поразил Лёшу, он его удовлетворил, будто это он рассмешил всех.

— Привет! Да, знаю. Они тут живут. Вон тот вон в этого кинул камень прямо по яйцам. Вот, смотрим на то, как высокий от боли голос бывает страшен, ха-ха, — Лёша ответил, будто заранее заготовил ответ. Причём он хотел сказать именно коротко, чтобы посмотреть за реакцией, а потом, если что, продолжить с подробностями.

— Ха-ха-ха! — Смех паренька затянулся ещё на пару минут. А под конец он слегка закашлялся.

— Вот, возьми, попей, чтоб не кашлял. Ну и отдышись хорошенько. — Это был самый отчаянный Лёшин поступок тогда. Он боялся, вдруг парнишка этот брезгливый, вдруг он скажет что-то вроде «Ты себя видел? Я после тебя пить не буду». А ведь рядом люди стоят, и все это увидят. Лёша даже не понял, почему он решился. Наверное, этот парень сумел расположить его. Более того, Лёша впервые смог кого-то рассмешить, а значит, он уже герой дня.

— Спасибо... — переводя дыхание, парень жадно начал пить Лёшин напиток. Хоть это и газировка. — Меня зовут Ваня Дёмин, это Матвей, — представился он, указав ладонью на товарища, скромно стоящего позади, и тут Лёша прямо растерялся. Во-первых, почему он так сразу назвал свою фамилию, будто он большая известность и хочет этим поделиться. А во-вторых, что это был за Матвей и почему он был так безучастен к беседе. Во дворе ребят было много, но Матвей совсем не показал, что он там изначально с Ваней. Лёша застеснялся, но лишь на миг, ему уже не составляло труда вспомнить, как уважительно к нему отнёсся Ваня.

На следующий день Лёша встал пораньше, вышел на улицу и ждал, вдруг появится Ваня, можно будет ещё как-нибудь повеселиться. Он снова взял с собой напиток, просидел во дворе весь день, но Ваня так и не появился. Лёша пошёл домой, как вдруг услышал, что кто-то показывает в сторону незаметной со двора лавки, и там сидит какой-то Ваня с разбитым носом. Он сходил, там Дёмин. Нос разбит, кровь уже подсохла, а Ваня сидит и грустит.

— Вань, на тебе лица нет. Ну придёшь домой, умоешься, попьёшь чай, легче станет... Что, сильно болит? — говорил он в жутком удовольствии, что встретил цель своего дня, и в ещё большем удовольствии от того, что может сказать слова поддержки. Хотя и заметил, что лицо товарища выглядит больше задумчивым, нежели рефлексирующим от боли.

— Да на это плевать, я упал. Меня девчонка шьёт, а она такая вкусная... Ты Настю с пятого этажа знаешь? — видно было процесс размышления над грандиозным планом соблазнения.

— Да, знаю. Честно говоря, она мне как-то не нравится. — Хотя Лёша больше так сказал потому, что не получилось показать свою заботу другу так, чтобы его за это похвалили. А Настя эта перенравилась всем казановам детского окружения. И нередко взаимно. Вот и Ваня решил покорить этот Хуанцю.

— Познакомишь?

— Так ты же говоришь, она тебя шьёт. Как она тебя шьёт, если вы даже не познакомились? — вполне резонный вопрос. Лёше только тогда впервые встретила ситуация, где речь собеседника ещё нужно расшифровать, правильно понять, интерпретировать так, чтобы это максимально было похоже на то, что он имел в виду.

— Ну я попробовал заговорить, она не захотела. Познакомишь так, чтобы я хоть какое-то основание имел. Если есть общий знакомый, наверное, проще так подкатить. — Лёше поставлена задача. Хотя он ни с кем и не общался, он почувствовал, что теперь страх куда-то исчез. Он выполнил просьбу и с тех пор нередко был посредником в делах амурных.

Так Лёша нашёл себе двух друзей. Ваня вскоре уехал в Байкальск. Лёша с Матвеем остались одни, каждый день гуляли, обсуждали Ваню и его возвращение на следующее лето, баловались, снимали на видео всякую всячину, учились проводить время в каком-то странном, но интересном занятии.

Когда Ваня приехал, он совсем изменился. Его не хотелось рассмешить, он жил по каким-то «понятиям», а это слово никто не понимал, тем более то, что оно под собой подразумевает, и уж тем более зачем всё это вообще придумано. Ваня стал из того слоя людей, которых называли «быдло». И он просто перестал быть интересен всем.

Лёша научился шутить, хоть и глупо, тонко, но по-разному, пытаясь импровизировать с мимикой, с подачей. Матвей познакомил его со своими одноклассниками, вполне себе весёлыми и крутыми ребятами. Хотя из них многие смеялись над Лёшей из-за лишнего веса, ведь он был пухлым ребёнком. Позже собралась компания, ребята ходили целой группкой. Лёша снова стал тихоней. В такой компании трудно сказать что-то, чтобы это было достаточно остроумно и чтобы тебя не засмеяли. Возле бассейна положили хороший асфальт. А так вышло, что Матвей сильно захотел научиться кататься на скейте. Лёша боялся. Но всегда был рядом с Матвеем. Всегда ходил с ним и был свидетелем каждого удачного его трюка. Но в городе не только Матвей любил скейтборд. На бассейне стала собираться новая компания. Лёша слушал, слушал, слушал... И пробовал все эти слова, шутки, истории рассказывать в других кругах, например в школе. У него выходило неплохо, и он сам себя обучал. Как и все, наверное, только Лёша во всём учил себя сам.

«Война и мир», «Отцы и дети», «Мастер и Маргарита»... Сколько страсти подарили ему русские классики, а впоследствии и вся остальная литература. Когда князь Андрей смотрел на небо, Алёша чувствовал, как у него самого немеет затылок. Когда Раскольников стоял над старухой, он ощущал не только холод в груди, но и странную тяжесть в левой руке — будто это он держал топор, будто это он выбирал между жизнью и смертью. А когда Мериме писал о Кармен, он вдруг понимал, что страсть — это когда молчат и боятся дышать. Он начал водить пальцем по строчкам, чтобы не пропустить ни одного слова, и почти шёпотом перечитывал самые важные фразы, как заклинания. Позже он узнал, что это называется «эмпатическое чтение». Но тогда он просто чувствовал, что книги — это его вторая жизнь, более честная и настоящая, чем та, которую ему навязывали извне. Как ему хотелось этим с миром поделиться... Но... А кому это нужно? Каждый второй в агонии этой страсти просто услышит упрек в свой адрес, что тот не начитанный. Вот Лёшу и начали иной раз называть душной. Смотря вокруг, люди видят мир. Но не более, чем он видим.

Неразглядны были корни; что таится под землёй, в глубине морей, внутри глаз и сердца. Книги перестали быть модны. Их читают теперь только в случае, если жизнь загоняет в угол. Он быстро это разглядел, понял и стал закрывать свою страсть внутри.

Глава 2. Мужское и Женское

Десятый класс был слишком вольным временем для подростка. Экзамены вроде далеко, но учителя уже не грузят домашкой. Скейтеры распались, Лёша успел научиться всему, чему хотел, но он чувствовал себя одиноко. Свободного времени много, энергия есть, что бы поделаться... Он выходил на улицу и останавливался посреди двора, глядя в никуда. Ветер шевелил волосы, дворовые коты разбегались от его шагов, а он всё стоял, будто ждал, что кто-то появится из воздуха и скажет: «Пойдём, я знаю, чем нам заняться». Но никто не появлялся. Тогда он садился на лавку, доставал наушники, включал что-то грустное и наблюдал за облаками. Они двигались медленно, почти незаметно, и в этом было что-то успокаивающее. В такие моменты он придумывал себе диалоги с людьми, которых ещё не встретил. Он репетировал шутки, которые никто не услышит. Но внутри уже зрело раздражение: он устал быть зрителем в собственном фильме.

В десятом классе собрались интересные люди. Каждый чего-то стоит, умеет что-то особенное.

— Димон, ну ты посмотри... Вот с такими одноклассниками мне не стыдно учиться. Какие красавцы и красавицы, — с упоением рассуждал Лёша другу, который был с ним с первого класса и вместе с ним пришёл в десятый.

— Да, Лех, правда, вон с той че-то общаться не хотелось бы... Как её зовут? Амина? Хе-хе, я бы пошутил, да грешно всё это. — Все любили украдкой пообсуждать кого-то, но эта девушка получала очень острые шутки. Лёша знал это чувство: когда ты становишься объектом чужих слов, когда тебя обсуждают, а ты даже не можешь защититься, потому что не знаешь, что именно сказали. Но в десятом классе это было ещё не осознанно. Ему просто казалось, что если он не присоединится, то станет следующим. И он смеялся вместе с другими, хотя где-то внутри чувствовал, что это неправильно. Позже он часто возвращался к этому моменту: почему он не остановил их?

К ребятам подошла девочка, с которой они были немного знакомы. Лёша играл с ней в новогодних ёлках, классе в седьмом или восьмом. Это была обаятельная манерная бурятка с крепким характером, сизмальства привыкшая обеспечивать себя самостоятельно. Жизнь иногда требует усилий не вовремя. Её возраст был не для того. Хотя, где написано, как и когда жить? В этом вопросе стандартов нет. Но если бы они были, Лёша бы их нарушал. Он всегда чувствовал, что живёт не по графику, не как все. Другие гуляют до ночи — он думает о смыслах. Другие влюбляются — он пытается понять, как это работает. Другие говорят о будущем — он уже знает, что будущее не про профессию, а про то, кем он станет внутри. Когда он смотрел на Веру, которая уже жила одна, он видел в ней отражение своего внутреннего мира: ей тоже было тесно в стандартах. И это их объединяло больше, чем любые разговоры о погоде или уроках. Но если остальные ведут себя как дети, то она всё-таки повзрослее. Она похудела, следуя Лёшиному примеру, хотя остановилась и снова немного набрала. Лёша заметил это сразу. Не потому, что он следил за её фигурой, а потому что он сам прошёл этот путь. Когда он худел, он чувствовал себя сильным. Когда снова набирал — виноватым. Он просто видел в ней ту же борьбу, которую вёл внутри себя. И ему хотелось подойти, положить руку на плечо и сказать: «Ты справишься, это просто такая полоса». Но он не сказал. Он вообще редко говорил то, что думал на самом деле. А потом жалел, что не сказал. Этот круг повторялся часто. Чёрный цвет её преследовал. У неё чёрные глаза, тёмные волосы и смуглый цвет кожи. А голосом она вообще могла показать огромную силу и власть.

— Вера?

— Лёша! Мне Сухроб написал, ха-ха-ха, — этот парень был странноват, хотя Вере он моментами нравился. Она всегда высмеивала парней, которые ей симпатичны. Почему это

было так, никто не понимал, но все любили посмеяться вместе с ней. В конце концов, никто и не думал, что веселит подростка, ведь кровь горячая, энергии много. Импульсивные смешки были единственным, чем дышали ребята того возраста. И Лёша дышал этим воздухом, хотя порой ему казалось, что он задыхается. Он смеялся, чтобы быть своим. Он подшучивал, чтобы не выглядеть слишком серьёзным. Но внутри его голова работала на полную мощность: он запоминал интонации, жесты, фразы, которые можно будет использовать позже. Он изучал людей, как книгу, которую нельзя показывать другим. Особенно ему нравилось наблюдать за тем, как Вера смеётся над парнями, которые ей симпатичны. Он не понимал, почему она так делает, но ему было интересно. Это было похоже на танец — агрессивный и в то же время нежный. И он боялся, что когда-нибудь она посмотрит на него так же. Высмеивались даже имена, высмеивались поступки, которые во взрослой жизни тождественны бытовой жизни, но нашим героям до этого было ещё далеко. — Приходите ко мне после школы. Я ещё Ксюшу позвала, посидим, посмеёмся.

— А... Ну давай. Димас, ты как? — всё было как-то резковато и быстро, но предложение понравилось всем, даже непонятно почему Лёша так задумался сперва. Впрочем, он всегда был задумчив, он часто начинал обдумывать мелочи, которые не имели значения или результат этих раздумий не имел значения. Например, он мог подумать, что с Ксюшей он так и не общался ни разу, даже не здоровались, хотя одноклассники. То ли она скромная, то ли Лёша её стеснялся. Но ведь это только хорошо. Хоть узнают друг друга.

Ксюша виделась Лёше как милая девушка среднего роста с ненасыщенными рыжими волосами и яркими зелёными глазами. Хотя она носит оверсайз, можно было увидеть, что она худее, чем казалось. Она всегда выглядела серьёзной, но на самом деле у кого эмпатия и ум были поострее, те видели в ней больше спокойствие и умиротворение, чем серьёзность. Лёша относил себя именно к таким людям. Ему казалось, что он видит Ксюшу насквозь — её мягкую улыбку, её тихий взгляд, её способность быть негромкой. Когда она слушала, она действительно слушала. Не ждала своей очереди сказать. Не перебивала. В этом было что-то, что Лёша искал во всех людях, но находил редко. Лицо у неё было выразительное, отчего она казалась обаятельнее, особенно когда улыбалась. Её говор тоже по-своему был красив, она постоянно торопила букву «л», и казалось, что она вовсе её не выговаривает. А сам голос у неё был мягкий, но по нему можно было примерно предсказать её отношение к тебе. Если она говорит с тобой мягче, чем обычно, то она тебе либо очень доверяет, либо волнуется, если, например, она только знакомится.

Ребята весело и тепло попили чай у Веры, а сами разговоры были о всяких мелочах. Лёша с Ксюшей сблизилась друг с другом лишь так, что теперь в школе могли здороваться, только и всего, хотя друг другу и стали приятны, но не сказать, что близки. Ксюша ушла быстро, Дима сразу за ней. И Лёша остался один на кухне с Верой, пока она собирала чашки. Он смотрел, как она двигается — быстро, уверенно, будто знала, что каждая секунда должна быть занята. Он хотел помочь, но она не просила. Он хотел сказать что-то, но не знал что. И вдруг она повернулась и посмотрела на него с таким выражением, будто видела его насквозь. «Что?» — спросил он. «Ничего, — ответила она, — просто ты растаял, как пломбир на солнце». Лёша не знал, что ответить. Он просто улыбнулся, но внутри его захлестнула волна, которую он не мог назвать — ни благодарностью, ни страхом. Для резкости и дерзости Веры это были слишком мягкие слова. Но Лёша был спокоен. Просто он почувствовал, что его наконец заметили. Лёша с Верой решили посидеть ещё, они много общих знакомых ещё могли обсудить. Но они не стали их обсуждать.

— Кто бы знал, что Ксюша такая классная. Я думал, она ничего толком не расскажет. — Лёша всегда удивлялся тому, как люди раскрываются. А зная свой опыт, он считал, что ему повезло так вырасти, скажем, в хоть как-то интересного человека.

— Да она и не расскажет ничего тебе. Это сейчас мы посидели, нам было комфортно: ты позвал парнишку, я девчонку. Дима тебе комфорт дал, Ксюше — я.

— Ну, наверное, это я Диме комфорт дал, — не согласился Лёша, поддерживая шуточную обстановку, но Вера решила ударить в лоб.

— Да ты б и двух слов не связал без Димы. Помнишь, как с Кариной было? — резковато, но Вера такие резкости преподносила смешнее всего.

— Во-первых, — начал было Лёша, немного запинаясь, — с Кариной было круто. Ей не хватило духу понять, что я лучше всех. Но и я был ребёнком. Увидел красивую скромную девушку и зацепился. У меня в жизни немного разнообразия было. Это сейчас я понимаю, что она не так уж была мне нужна. Во-вторых, я ведь не соблазнить Ксюшу пытаюсь, — хотя всякий раз, когда Лёша воодушевлённо говорил о ком-то, ему приписывали высокие чувства. Но иногда и были правы. — И в-третьих, я и от тебя поддержки чувствую достаточно.

Обстановка на кухне у Веры была чарующей своим комфортом. Разговор сам шёл, желание сделать больше начало соблазнять Лёшу всё сильнее. Он впервые после распада скейтеров почувствовал себя социально удовлетворённым, хотя и без того чувствовал себя неплохо. Но теперь — замечательно.

— Раз так, вы приходите: я всегда с Ксюшей, ты Диму зови. Создадим свою, скажем, компанию. Ты за мужскую её часть, я за женскую.

Глава 3. Маленький человек

Чтобы выбрать своё призвание, многим приходилось ломать голову. Особенно теперь, когда любая работа как на конвейере монотонна: ты делаешь одно и то же изо дня в день. Люди в глубоком отчаянии выбирают из того, что предлагает город. Есть завод? Отлично! Выбросы фтора? Слабеют кости? Но и жить-то вечно не приходится, чего переживать. Так, утрированно говоря, и принимается смирение у большинства. А детям предлагают выбрать свой путь ещё в школе, когда они даже не поняли, нравится им математика или биология. Ребята зачастую делали выбор исходя из того, какой предмет ведёт более приятный учитель, или в каком эмоциональном состоянии ты был, когда проходили важную тему по конкретному уроку: делал ли ты домашнюю работу или рефлексировал вечерами на лавке у городского бассейна — от того, что вдруг исчезли воробы.

Ксюша, Вера, Лёша выбрали гуманитарный профиль. Лишь бы не математика. Правда, Лёшу больше смущала физика — хотя потом он её уважал и неплохо понимал. На уроке немецкого языка Лёше пришлось знакомиться с одноклассницей Соней, которая показала себя скромной и весёлой, но... Наверное, какой-то непонятной. Нет, она была не странной. Если только не считать странность чем-то отталкивающим. Скорее, эта странность говорила об эмпатии — и о том, что понимание у неё ограничено чем-то своим. Лёша был хоть и приветлив, но всё же не успел ещё избавиться от стеснения при знакомстве: когда не знаешь человека, боишься чего-то. На самом деле он это в себе понимал, но не желал избавляться от этого, считая это какой-то природной защитой.

Но вот кабинет немецкого языка, где было не три ряда парт по обыкновению, а всего два. Соня первая решила подсесть, первая заговорила, и это было сразу с улыбкой, будто нарочно пыталась расположить Лёшу к себе.

— Guten Tag, liebe Schüler, — неожиданно для всех, хоть это и стоило предполагать, учитель начала сразу говорить на ранее незнакомом на слух языке. Все друг с другом переглянулись, не понимая, что от них хотят. Соня тоже по примеру остальных пыталась поймать взгляд Лёши, но он почему-то посчитал этот взгляд сильно вопрошающим и решил не реагировать, заметив обстановку лишь боковым зрением, но головой не повёл.

— Это значит: «добрый день, дорогие ученики», — обстановка разрядилась, и ребята принялись отвечать ей на русском совершенно скомканно. — Нет, нет, это будет нашим приветствием перед началом занятия, вы должны ответить: «Guten Tag, liebe Lehrerin».

— Что она сказала последнее? — шёпотом переспросила Соня. Лёша решил, что она слишком торопится считать обстановку комфортной: на его взгляд, взаимодействия было слишком много.

Ему было не о чем переживать, но он всё равно переживал — будто ему нравилось накручивать себя. Мысли были надоедливые, душные, тягучие. Со временем он привык. Общение становилось мягче. А Соня всё больше вызывала в нём интерес.

— Тебя как-то трудно понять. — Сказав это, Лёша понял, что фраза прозвучала не так. Он уже собрался развивать мысль, но Соня в мелком смешке заставила его забыть о намерении. Ему хотелось сперва посмотреть, как она себя покажет, что ответит. В момент смеха она слегка откинулась назад, сморщила нос и вскинула брови. А Лёша обратил внимание на её глаза — с особенным увлечением, настолько она стала интересна.

— В смысле? — сказала она, досмеиваясь, и мягко хлопнула Лёшу по плечу, будто хотела обратить его взгляд на себя.

— Да просто ты какая-то другая. Я таких не встречал. — Лёша хотел сказать что-то приятное, но не так, чтобы вышло в комплимент. До этого он действительно видел девушек

и считал, что все они понятны, как чистый лист. Конечно, на самом деле это было не так. Но он верил в это.

«Что же это за Соня? Почему она такая? Почему мне её не понять?» — с этими мыслями Лёша провёл весь день. И думал он больше, чем его на самом деле волновало. Вдруг ему пришло в голову собрать её образ в голове — может, станет яснее. Он закрыл глаза и попытался представить её в деталях: сначала лицо, потом голос, потом движения, когда она смеялась. Но каждый раз что-то ускользало, будто она была не из этого мира. Её улыбка казалась ему не просто улыбкой, а приглашением в мир, который он не знал. «Какая-то она другая», — думал он, но не мог объяснить, что именно его цепляет. Может быть, в ней было что-то, чего он сам искал: искренность, которая не требует доказательств. Или просто он привык всех анализировать, а её анализ не поддавался. Это тревожило его. Но и завораживало.

Милая девочка. Метр пятьдесят шесть. Ярко-голубые глаза, светлые волосы распущены. Хороша собой — и не перегибалась с макияжем. Худое тёплое лицо казалось мягким и выразительным. Но глаза — насыщенные, особенно когда зрачки сужены, — обращали на себя внимание.

«Невероятно милая девушка. Лишь бы не влюбилась», — промелькнуло в голове. Соня вызывала трепет. Хотелось обнять её и отвести на батут — пусть попрыгает. Детское обаяние накрывало тех, кто искал её внимания. Но сама она была глубже, чем казалась. В классе — одна из лучших, но никогда не стремилась быть первой. Может, мешала лень. А может, боялась оказаться в центре внимания. Лёша был таким же. Поэтому постепенно начал понимать её лучше других. Но этого ему всё равно было недостаточно.

Уроки закончились. После школы Дима дожидался Лёшу, Ксюша — Веру. В гигантской очереди за одеждой Лёша стоял в метре от окошка. И заметил Соню в самом конце. Взгляды пересеклись. Он указал ей рукой — проходи сюда — и подозвал одноклассницу, чтобы та передала номерок. Такая детская ситуация — вершина всех забот. По крайней мере, так думал Лёша.

— Ты герой, Лёша. — Таким словам он всегда придавал значение. С детства мечтал, чтобы в глазах других был именно таким. Но в этот раз смутился. Хотя был рад. Для него это значило много: самоуважение, которого так не хватало в детстве.

Они вышли вместе. Ребята возле школы уже собрались.

— Идём пить чай? — спросила Вера. Ответ был положительным. Лёша не понял их планов. Он увидел, что Ксюша и Соня сразу нашли общий язык вне школы. Ему пришло в голову, что, возможно, только ему нужно время, чтобы почувствовать комфорт. На деле это было не так. Но среди этих людей Лёша действительно был самым задумчивым и осторожным.

— Я правда в шоке, что нашему классу так просто общаться друг с другом. — Он искренне решил поделиться.

— Мы с Соней совсем не общались, когда учились в одном классе, — сказала Ксюша. Лёша мысленно посмеялся над собой. И пристыдился: он даже не подумал, что кто-то мог быть одноклассником Сони до десятого класса. Он вдруг понял, как много предположений строит о людях, даже не зная их. Он уже нарисовал себе образ Сони — милой, загадочной, немного странной. И теперь картинку пришлось пересматривать. Ему нравился этот процесс — собирать людей по кусочкам, как пазл. Но в этот раз пазл оказался сложнее. И это было хорошо. Ему надоели простые сценарии. Хотелось чего-то, что заставит думать дольше, чем обычно. И Соня, похоже, была именно таким сценарием.

Зайдя к Вере, Лёша принялся рассматривать квартиру. Настроение было приподнятое, компанейское. Вера была в острых отношениях с родителями и жила одна в квартире бабушки. Кухня обставлена уютно. На столе — стенка из коробок самого разного чая. Окна кухни и спальни выходили на закат. Вера жила одна, но уют хранила трепетно. В её возрасте она каза-

лась взрослее других. Любила посмеяться и поговорить о важном. Но вызывала сочувствие. Её всегда видели в хорошем настроении. Но мнение было чётким, строгим, чаще критичным.

Ребята уселись на диван и говорили обо всём. Ксюша и Соня искренне смеялись. «Кажется, я бы хотел такую компанию», — промелькнуло в голове. Он не произнёс этого вслух. Но внутри уже навсегда записал этот вечер. Эти голоса, этот смех, запах чая и закат в окне. Он вдруг почувствовал, что он часть чего-то большого, грандиозного и очень важного. Часть истории, которую он будет вспоминать через годы. Он не знал, что эта компания станет его опорой, его болью и его школой жизни. Он просто сидел и наслаждался тем, что рядом есть люди, с которыми можно молчать и смеяться одновременно. И это было для него счастьем.

Глава 4. Надо было сказать «нет»?

В то лето время текло медленно, и никуда не надо было спешить. Компания казалась им самым совершенством. Они не искали приключений — они сами становились ими. Лёша полюбил своих ребят. Сутками они общались, гуляли, обошли весь город сто раз. Знали каждый переулок, каждую скамейку, каждую кофейню, где можно было посидеть, не делая заказа. Город стал их картой. Каждая точка хранила чью-то шутку, чей-то смех, чей-то разговор, который потом пересказывали неделями. Лёша любил эти прогулки не за места. За то, как менялись люди рядом с ним. Он видел, как раскрывается Ксюша, как Вера становится мягче, как Дима перестаёт быть просто другом и становится частью его мира. Он не говорил этого вслух. Но внутри уже знал: эту компанию запомнит навсегда. И ничто не должно было нарушить эту гармонию. Спокойное счастье забралось в душу Лёши глубоко и крепко.

Как-то в выходной раздался звонок. Данил Розанов. Ещё один одноклассник. Он был тихим парнем, неинтересным, заурядным. Никто его и не замечал вовсе. Но Даня не хотел мириться с этим. Каждый день он пробирался в новую компанию и становился их слушателем. Но места себе так и не находил. Люди не прятались от него, но и не могли привыкнуть, что он появляется из ниоткуда. Его присутствие не добавляло ни энергии, ни шарма, ни особенного настроения.

— Привет, Лёшка, ты занят? — Голос у Дани был неуверенный, будто он заранее знал, что может услышать «нет».

— Мне семнадцать лет, чем я могу быть занят? — ответил Лёша, желая показать, что Даня может обращаться с любым вопросом: время так или иначе найдётся. Но когда он это произнёс, внутри что-то дрогнуло. Он не хотел быть тем, на кого можно положиться. Боялся, что, если люди его таким примут, он разорвется. Но он не умел отказывать: отказ в его мире всегда означал потерю. Ему казалось, что, если он скажет «нет», Даня исчезнет, сломается, обидится, и это будет его вина. Он чувствовал, что согласие давит на плечи, как тяжёлый рюкзак, который он таскает без всякой цели.

— Давай прогуляемся? — предложение было неожиданным. Лёша смутился: ему казалось, что время пройдёт самым скучным образом.

— Давай, — ответил он вопреки чувству. Отказ не укладывался в нём. Он боялся показаться грубым. Боялся, что «нет» прозвучит как приговор — окончательный и жестокий.

Прогулка была длинной. Парни прошлись по парку, затронули несколько тем, совершенно неинтересных обоим. Говорили о погоде, о школе, о том, кто в кого влюблён. Но доверия не было, и оба повторяли, что сердца их свободны. Лёша кивал, отвечал односложно. А думал о том, как быстро бежит время. Ему казалось, что прогулка длится целую вечность и каждую минуту он мог бы провести иначе. Ксюша, наверное, сидит дома с телефоном. Вера готовит ужин. Дима уже ждёт его сообщения. А он здесь, с человеком, который даже не пытается быть интересным.

Он чувствовал себя предателем. Предателем своего времени, своих мыслей, своей энергии. В этом чувстве было что-то тягучее, похожее на стыд. Он не знал, за что именно стыдится: за то, что согласился, или за то, что уже жалеет о согласии. Погода назло выдалась жаркой, душной, будто и она торопила внутренние вопросы ребят.

— О чём ты хотел поговорить? — спросил Лёша. Не столько от скуки, сколько от мысли, что скоро подойдёт время, когда обычно выходят девочки.

— Я смотрю на вас... на вашу компанию... — начал Даня. — Вы такие дружные. А у меня... у меня есть один друг. Мы с ним по сети в компьютер играем. И всё. Я просто сижу дома сутками. Ничего не делаю. Даже дела не копят. — Он замолчал. — Я очень скучный человек. Я неинтересный человек.

Лёша услышал в этих словах что-то знакомое. Себя. Года три назад он думал так же. Сидел дома, смотрел на других и не понимал, как они могут так легко говорить, шутить, быть в центре внимания. Тогда он решил, что это навык. Что можно научиться быть интересным, если слушать, запоминать, тренироваться. И он научился. Но теперь, глядя на Даню, чувствовал не сочувствие. Раздражение. Потому что Даня не пытался научиться. Он просто хотел, чтобы его взяли готовым. И это бесило Лёшу больше, чем сама скука.

— Когда я с людьми... мне даже сказать нечего. Голова пустая. А ты... ты всегда что-то рассказываешь. Я хочу быть как ты.

— Тебе нужно найти своё кредо, — прервал его Лёша, — Я тоже не всегда мог что-то рассказать. Мне пришлось сперва познакомиться с собой, научиться жить в социуме, обращать внимание на детали. Толстой в своей книге несколько страниц посвятил дубу у дороги. Дуб менялся — от времени года, от настроения, от взгляда князя Андрея. Лёша помнил, как завожённо читал это. Тогда он впервые понял: даже дерево может быть сложным. А что уж говорить о человеке. Он смотрел на Даню и думал: «Ты как тот дуб в начале весны — голый, неподвижный. Но, может, внутри тоже идёт сокодвижение, просто я не вижу?» — А ты посмотри вокруг. Найди в себе интерес.

— Возьмите меня в свою компанию. Я неплохой человек, мне бы хотелось с вами общаться.

Лёша замер. Он не ожидал этого так резко, так прямо. Думал, Даня просто хочет выговориться, поделиться тоской — и уйти. Но это «возьмите меня» прозвучало как требование. Он почувствовал лёгкое давление, почти физическое. Захотелось сказать «нет». Слово застряло в горле. Он боялся обидеть. Боялся показаться жестоким. Боялся, что Даня потом будет рассказывать всем, какой Лёша плохой. И вместо чёткого отказа начал мямлить, оправдываться, смягчать. Уже знал, что это ошибка. Но всё равно продолжал говорить.

— У нас своя атмосфера. Я бы хотел её сохранить. Не хочу сказать, что ты бы испортил всё. Но зачем рисковать?

— Да я клянусь, не испорчу, — настаивал Даня, будто не понимал намёка.

«Вот упрямый чёрт. Ну не посылать же его... Хотя он скучный. Само собой, не приживётся», — подумал Лёша.

— Ладно. Сейчас мы с ними встретимся. Потом если что — сам смотри.

Лёша смотрел на Даню и вдруг понял: этот парень не просто скучный. Он — тот, кто привык, что его не замечают. Кто идёт через равнодушие, как через туман, потому что не знает другого способа двигаться. Лёша знал это чувство. Когда ты не уверен, что тебя примут, но всё равно просишься — потому что иначе ты просто исчезнешь. Его собственные детские годы были похожи. Но Даня сделал это открыто, без страха. В этом была какая-то пугающая храбрость. Лёша не знал, восхищаться этим или бояться. Такие люди не боятся быть смешными. Они боятся быть незамеченными. И они правы. Кто не хочет быть любимым? Кто не хочет, чтобы его уважали и ценили?

Лёша поймал себя на мысли, что пытается переложить ответственность. Что он просто ждёт, кто ещё скажет «нет», а он останется в стороне — чистенький, добренький, невинный. Ему стало противно от этой мысли. Но он ничего не сделал, чтобы её изменить. Так и шёл рядом с Даней, будто это был не его выбор, а случайность. И внутренний голос шептал: «Ты не герой, Лёша. Ты просто боишься быть плохим». Он не ответил на этот голос. Просто шёл дальше.

Так и выходило, как Лёша посчитал: Даня просто ходил и молчал, но никто не чувствовал себя при нём скованно. Лёша наблюдал со стороны, будто режиссёр, который снимает фильм, но не может вмешаться в сценарий. Даня появлялся, садился на край дивана, слушал. Иногда вставлял что-то, что никто не запоминал. Никому он не мешал — его будто и не было. Но Лёша замечал. Что-то в комнате сдвигалось, когда Даня входил. Появлялась лёгкая неестественность,

будто поставили лишний стул. Он искал глазами поддержку у Веры, у Ксюши, у Димы. Но никто не показывал, что ему это не нравится. Может, они просто не хотели обидеть? Может, он один это видит? Или он просто придирается к тому, кто пытается быть лучше? А вдруг Даня действительно меняется, а Лёша просто не хочет этого замечать?

Вот только Лёша упустил из внимания ту самую упёртость, настойчивость. Компания его не звала. Но он взял у всех контакты. Звонил всегда сам. Приходил и подготавливал темы для разговора. Записывал анекдоты. И всё-таки прижился.

Даже Лёше он полюбился со временем. И в этом была главная ирония: Даня, которого Лёша так не хотел брать, оказался не тем, кого надо было бояться, пугаться или стесняться. Он не лез с советами, не критиковал, не пытался быть главным. Он был как тень, которая не мешает, а просто убавляет света. Но с близкими людьми и в темноте тепло, так что Даня не помешал. Лёша начал привыкать к нему.

Он перебирал слова, интонации, искал момент, где можно было бы сказать «нет». И каждый раз находил оправдание, почему этого не сделал. «Я не хотел его обидеть». «Я думал, он сам отстанет». «Мне было неудобно». На самом деле он боялся: если скажет «нет», то потеряет не Даню, а что-то в себе. Какую-то часть, которая считала себя добрым. Ему казалось, что отказ делает его злым. Он не понимал, что настоящая доброта — это когда говоришь правду, даже если она неприятна. Но внутри уже зрело смутное чувство, что он предал себя. И это чувство было хуже, чем любой отказ. Ему становилось стыдно. Но стыд не приходит просто так. Может, это было какое-то внутреннее чутьё? А если так — что оно значит?

Даня Розанов появился в их кругу не как лидер и не как заводила. А как тихий, почти незаметный человек, который очень хотел быть нужным. Лёша видел это сразу. Даня пытался уловить момент, вставить слово, поддержать чужую шутку. Но делал это с той неуклюжей настойчивостью, которая выдаёт человека, прыгающего выше головы. Он смеялся с паузой, будто проверяя, правильно ли понял. Вставлял фразы, которые звучали как заученные. Когда рассказывал что-то, его голос становился чуть громче, чем надо, и он часто оглядывался на реакцию. Иногда это было забавно. Иногда — неловко. А иногда — почти больно смотреть.

Но Лёша заметил кое-что ещё: Вера тоже это видела. Не так, как остальные — не поверхностно, а по-настоящему, как и он. Они могли обменяться взглядами в те моменты, когда Даня особенно старался быть замеченным. Этого было достаточно, чтобы понять друг друга.

— Он прыгает выше головы, — сказала Вера однажды, когда они остались вдвоём на кухне, пока остальные смотрели какой-то фильм. — Но я не знаю, что ему нужно. Внимание? Или просто кто-то, кто скажет, что он хороший?

Лёша кивнул. Он чувствовал то же самое. Даня был как открытая книга, которую никто не читал. Хотел казаться сложным — оставался простым. Хотел быть запоминающимся — оставался незаметным. И это раздражало. В Дане было что-то противное — будто он сам себе мешал.

— Интересно, он понимает, что мы это видим? — спросил Лёша.

— Не уверена. Он слишком занят тем, чтобы нравиться всем. И я боюсь, что он сломается, если кто-то скажет ему правду.

Лёша не ревновал. Он боялся ревновать, потому что боялся показать свои чувства. Ведь их могут засмеять. Более того, он сам не мог разобраться в себе, поэтому ему было просто не до ревности. Но он видел, как Даня смотрит на Соню. И в этом взгляде читалась обречённость. Будто Даня уже заранее знал, что проиграет. Но всё равно не мог остановиться.

«Он ведь прыгает выше головы, — подумал Лёша. — Неужели не видит, как это выглядит со стороны?»

Ему стало почти неловко за Даню. За его неуклюжие попытки блеснуть остроумием, за его заученные фразы, за то, как он старается оказаться рядом, но каждый раз теряется, когда Соня поворачивается к нему.

«А что, если он просто влюбился? — мелькнула мысль. — Влюбился по-настоящему, а не просто пытается быть в центре внимания? И теперь он не знает, как с этим справиться, потому что никогда раньше никого не любил?»

Его начинали утомлять мысли о чужих отношениях. А тут ещё этот страх — и стыд за страх. Он не понимал, откуда они берутся. Лёша хотел, чтобы Даня был простым, понятным. Тогда он мог бы просто отмахнуться от него. Но если Даня действительно испытывал к Соне чувства, он становился сложным для компании, неудобным. И Лёша не знал, как относиться к этому. Но и мириться с этим не хотел.

«Нет, — сказал он себе, — это не любовь. Это просто желание быть частью чего-то, быть замеченным. Соня просто цель, потому что она рядом. И если она будет занята, он переключится на другую».

Но эта мысль не принесла ему облегчения. Потому что, если Даня искал просто внимания, он мог найти его любой ценой. А это было хуже, чем любовь. Любовь можно понять. Одобрение — нет.

Вечером Лёша с Верой снова встретились взглядами в тот момент, когда Даня громко, на всю комнату повторил чужую шутку и никто не засмеялся. Лёша понял: они с Верой не просто видят. Они единственные, кто не закрывает на это глаза. И ему стало немного легче оттого, что он не один.

Глава 5. Путешественник

С Ксюшей Лёша никак не мог настроить связь. В компании им общаться было просто: один говорит шутку или историю, остальные развивают. Но наедине будто говорить было не о чем. Неловкое молчание сменялось короткими бессознательными и бессмысленными вопросами вроде «как дела?» или «что расскажешь». Разговор настраивался с трудом, хотя с другими людьми Лёша такой проблемы не видел. Он искал причину в себе, перебирал фразы, которые можно было бы сказать, но они казались слишком пустыми. И он снова замолкал.

«Может, Ксюше просто неинтересно со мной? — думал он. — Или я слишком много жду от тишины?» Он не знал, как понять это, и от непонимания становилось только сложнее.

Соня с родителями улетала в Таиланд. Дима с семьёй тоже решили отдохнуть. Они полетели в Турцию. Вера пригласила к себе Ксюшу и Лёшу. Они какое-то время гуляли втроём, хотя иногда они так гуляли, даже когда остальные друзья были в городе. Вера была в плохом настроении. Тогда она болела неясно откуда взявшейся любовью к парню из старшего класса. Вера очень интересно говорила о своих чувствах. Она каждый раз рассказывала какую-то новую историю из жизни этого парня, Шохруха. Кстати, очень любила пошутить даже над ним. Но в этот день она была в каком-то отчаянии. Когда пришли Ксюша и Лёша, она, набравшись немного сил, решила развесить вещи из стиральной машины. Всего пять минут, но Лёша сидел в ужасе. Надо же что-то сказать...

«Зачем я читал столько книг, раз я ничего даже придумать не могу, даже историю вспомнить, хоть что-то сказать?» — мысли обуяли Лёшу. Тогда он впервые обвинил чтение и книги в их бесполезности. После этого он перестал читать на какое-то время.

Но вдруг тишина стала невыносимой, и он решился.

— Я надеюсь, ты никуда не улетишь? — с трудом он вспомнил причину, почему они не собрались большим составом. Обрадовавшись этому озарению, спросил немного экспрессивно, будто спешил куда-то.

— Я в деревню уеду в середине лета или ближе к концу. Я хочу поработать где-нибудь до деревни. Вот сейчас смотрю объявления. А там уже буду ягоду продавать. — Бинго! Разговор пошёл как никогда просто. В любой другой ситуации Лёшин вопрос не принёс бы много плодов, но в этот раз он оказался актуален. Теперь Лёша мог задать ещё больше вопросов. Но он подумал о другом...

Когда Ксюша отвечала Лёше на вопрос, голос её был слегка выше, но оставался тихим и спокойным. Смотрела она точно в глаза, а он, будто коченея, не мог оторвать свой взгляд от её глаз. Об этом он и думал. Он понял, что Ксюша ему нравится. Решил, что именно поэтому ему было трудно находить слова. Ему стало просто неинтересно спрашивать про деревню. Он захотел придумать, как ей помочь. Хотя она и не просила о помощи, Лёша просто этого хотел. Его мысли промелькнули всего секунд за десять. А Ксюша продолжила говорить.

— Я очень соскучилась по деревне, по ягоде, по природе деревенской.

— А это далеко? Надолго ты уедешь? — Лёша вдруг начал бояться потерять на лето Ксюшу. Он почему-то уже считал, что ответы на эти вопросы будут ему неприятны.

— Это рядом с Ольхоном, я поеду, наверное, до конца лета. Может, за неделю до конца вернусь. — Лёша больше ничего не хотел говорить. Он вовсе не расстроился, но безумно хотел просто посидеть и подумать, разложить мысли у себя в голове. Его радовало, что сейчас она здесь, и несколько недель они точно ещё будут видеться.

«Когда же мой звёздный час? Когда мне нужно вступать в бой? Когда я смогу проявить свою неотразимость? Я не хочу устать в суете ненужных проблем и мусора, бессмысленно придуманных людьми. Когда всё будет так, как надо? Когда...» — словно мантру Лёша повторял себе эти мысли в голове. И в этот вечер на его лице оставалась скучная задумчивость, разгадать

которую было невозможно, а потому и понять его было нельзя. Но он старался это скрыть, что получалось очень скверно.

Вера освободилась точно в ту минуту, когда это было удобно Лёше. Она прошла в комнату и сразу стала говорить о своих проблемах. Ей нужна была поддержка от ребят. Она чувствовала себя ненужной. Некрасивой, даже убогой.

— Шохрух меня никогда не заметит, — отчаянно, но ярко сказала Вера.

— Школа белая, ты чёрная. Как тебя не заметить? — шуткой решил поддержать Лёша. Обычно люди от таких слов только больше отчаиваются, но на Веру это работало, и Лёша это знал. Хотя он мог поддержать с большей чуткостью, но его голову заполнила мысль о Ксюше и грусть, которую он для себя ещё не успел распознать.

— Мне надо сходить в магазин, купить продуктов, пойдёте со мной? — предложила Вера.

— Пойдём, конечно, прогуляемся, — поддержал Лёша и посмотрел на Ксюшу в ожидании ответа от неё. Она просто кивнула.

Заходя в магазин, Ксюша решила подшутить над Лёшей.

— Стой тут, тебе туда нельзя, — сказала она, показывая пальцем на надпись «вход с собаками запрещён». Шутка была слишком резкой для Ксюши. Лёша боялся обидеться на неё, боялся показаться слабым. Но это его задело, он растерялся, думал отшутиться как-нибудь.

— Я... я не собака. Я пёс. — Он сразу погрузился в глубокое отчаяние из-за того, что сказал такую глупость. Но на Ксюшу это сработало. Она ухмыльнулась. Видимо, она сама думала, что пошутила слишком остро, и обрадовалась, что Лёша её поддержал. И всё-таки Лёша выглядел потерянным.

— Давайте посмотрим, что тут продают? — Вера пригласила ребят пройти по новому бутику, где продавали всякую всячину.

Ксюша остановилась возле брелков. На них были разные резиновые фигурки животных и персонажей. Ей приглянулся брелок с Лисой. Ей он очень подходил, они были будто похожи.

— Нравится? — Лёша проникся тем, как она смотрела на эти брелки.

— А тебе? — спросила она, мгновенно схватив брелок с собакой.

«Туше... Что ж ты такая кусачая, как... Неважно», — в своих мыслях Лёша сам пытался себя остановить. С Ксюшей это было не трудно.

— Мне нравится, — сказал он с обиженным видом, хотя не хотел таким показаться. Он больше расстраивался, что диалог не строится.

Вечер был тёплым. Ребята вернулись к Вере, попили чай и пошли в комнату гадать на картах Таро.

Вера была профессионалом в гадании. Как минимум потому, что она очень красочно умела интерпретировать значение выпавших карт. Она гадала на Шохруха, гадала на себя, а потом предложила ребятам на что-то погадать. Ксюша решила погадать на финансы и на учёбу. Карты выпали неплохие, но золотых гор и круглых пятёрок тоже не обещали. Лёша же замялся. Он знал, о чём хотел погадать, но решил просто спросить, что его ждёт. Выпала какая-то белиберда. Лёша ничего не понял из того, что ему сказала Вера, потому что ничего конкретного карты и не предложили. Чтобы утешить Лёшу, она сказала, что подобные вопросы обычно обречены на поверхностные ответы. Ребята посмеялись, убрали карты и начали болтать обо всём подряд.

— Я сейчас смотрю «Берсерка», кажется, это станет моим любимым аниме, — сказала Вера.

— Ты смотришь аниме? — удивлённо переспросил Лёша, хотя даже не имел чёткого представления о том, что это вообще такое. Он слышал об аниме в других кругах, ему объясняли, что это, но своими глазами ещё не видел.

— Половина из того, что я говорю, я говорю про аниме, Лёша. На минуточку. Если ты, может быть, не заметил, — ответила она в грубом юморе.

— Ну хорошо. А у тебя, Ксюш, есть любимое аниме? — он был уверен, что и она смотрит, раз так хорошо понимает, о чём говорит Вера.

— Да... «Бродячие Псы», — сказала она, слегка отводя взгляд и улыбаясь.

— О, я понимаю тебя, хороший выбор. Да у тебя есть вкус! — сказал Лёша, увидев, что она намекает на сегодняшние шутки про собак и псов. Для него это было очень похоже на флирт, и ему это начало безумно нравиться. Детская игра, но она была полна доброты и тепла, что хотелось бы, чтобы такие игры всегда и были между ними.

— Мне пора собираться, — сказала Ксюша.

— Я тебя провожу.

— Я не слепая, мне поводырь не нужен.

— Ну хватит, да, уже? Не жести, Ксюш. — Лёша понимал, что она просто не может остановить свой юмористический всплеск. А может, это он хотел так это понимать.

— Ну правда, я дойду, мне тут идти пять минут. Я хочу с музыкой пройтись, — она пыталась убедить его очень мягко, отчего Лёша быстро проникся и не стал настаивать дальше.

— Ладно, звони сразу, если что не так.

— Хорошо, пока.

Ксюша ушла, Лёша, довольный, в добром настрое даже забыл о деревне. Напитанный этой энергией, он стал задавать Вере вопросы о том, почему ей вообще понравился Шохрух. Он хотел, чтобы она немного тоже освободила душу. Но она хотела поговорить о другом.

— Шохрух просто классный... Ты мне лучше скажи, тебе не кажется, что Сонька за тобой прям бежит? — И правда, так думали все вокруг. Она всегда ждала его, всегда старалась быть рядом, показывала, что он ей невероятно интересен.

— Ох, Вер, как бы мне хотелось, чтобы это было не так. Она такая хорошая. Но я не хочу совершенно этого. Она и красивая, и умная, и интересная, но мне... Понимаешь... Мне Ксюша нравится, — решил вдруг он. — Я совсем недавно это понял, но кажется, это сильно.

Вера показала какое-то разочарованное удивление. Она не ждала, что симпатия вообще в этой компании появится. Считала это неуместным. Но ведь это жизнь.

— Ну хоть Карину ты переболел, — сказала она, будто совсем не желая продолжать говорить.

— Да знаешь, я думаю, что она мне просто нравилась. Такое ощущение, что то, что было тогда, очень мало по сравнению с тем, что есть сейчас. И потом, я же тебе говорил, что это просто была детская фантазия. Я с Кариной даже не общался.

— Леш, вот тебе оно надо? Ты же можешь разрушить эту дружбу.

— А при чём тут дружба? Это ведь чувства, а не стратегия.

— Ну как знаешь.

— Ладно, Вер, я тоже пойду.

Пока Лёша шёл до дома, он слушал улицу, вдохновлённый спокойствием. Такое же спокойствие его радовало в сердце. Но он начал вдруг переживать: «А что, если я ей не понравлюсь? Но она ведь флиртowała со мной. А что, если она просто назвала меня собакой, а я увидел в этом что-то большее? Ну тогда надо мной можно нехило поржать. И почему Вера так расстроилась? Неужели она и вправду думает, что симпатия может разрушить отношения? А что, если она права?» — каждая мысль становилась всё мрачнее, но масштабнее. Он начал думать, что если всё действительно настолько сложно, то краски у жизни не такие уж и яркие. Он был несогласен и не готов к такому.

Когда он уже лежал в кровати и перебирал в голове события дня, пришло сообщение. От девушки из школы. Настя, он с ней почти не общался, но раз в год они поздравляли друг друга с днём рождения. Она написала:

«Лёша, привет! Слушай, тут летом нужны аниматоры и помощники аниматоров. Работа на базе отдыха. Я подумала, что тебе подойдёт. Ты же любишь людей и умеешь придумывать какие-то весёлые сцены, импровизировать. Если интересно, скину контакты. Может, ещё кого возьмёшь с собой, они ищут двоих. Мне сказали, если есть компания, можно взять пару человек».

Лёша замер. Это было неожиданно, но так вовремя. Он вспомнил, как Ксюша говорила о работе до деревни. Может, это был знак? Он открыл диалог с ней и быстро набрал:

«Ксюш, привет! Тут работу предложили на лето. Аниматором или помогать аниматорам. Одна смена, весело, платят немного, но ведь платят! Если хочешь, можем попробовать вместе. Я подумал, тебе может быть интересно, ты же хотела подработать. Отпишись, если захочешь».

Он отправил сообщение и выдохнул. Сердце колотилось, как будто он прыгнул с высоты. Он не знал, ответит ли она. Но ему показалось, что он сделал шаг в правильную сторону. Возможно, это был тот самый шанс.

Может, жизнь не видит чувств людей и просто ломает их испытаниями, а может, риск пойти ва-банк настолько их пугает, что картина мира остаётся везде предсказуема, а настоящая искренняя взаимная любовь становится настолько же редкой, как хорошая работа. И всё-таки это проблема. Не хватает сил терпеть так много боли, когда желания просто рассыпаются, ударяясь о судьбу. А может, судьбы не существует... Лёша думал много и думал непрерывно, пока не достигнет удовлетворяющей мысли. А жизнь идёт своим временем.

Ксюша ответила ему сразу. Она согласилась, уточнила условия, а на следующей неделе они поехали в офис. Рабочая обстановка была немного скованной. Ксюша сидела в другом конце помещения. Людей было довольно много. Лёша боялся признаться, но работать он уже вовсе не хотел. Ему не нравилось то, что им предлагают. Он видел, что эта работа требует больших усилий. Но почему-то он взял на себя роль. Тяжёлая задача — организовать детей. Ещё тяжелее — организованно развлечь их. Зачем он взял на себя это бремя? Ему предложили за это три тысячи рублей. Ксюша выбрала задачу помощника за полторы тысячи. В их возрасте они ещё не понимали, что эти деньги — копейки.

«Всего одна смена. Я буду с Ксюшей. Смена закончится — Ксюша останется. Это ради неё. И ради неё это мне в радость... Кого я обманываю? Зачем мне эта ответственность? Я должен суметь не опозориться перед ней. Но ей это нужно. Хотя всего полторы тысячи. Нет, надо как-то попросить, чтобы нам платили поровну. Что я делаю...» — Лёша мучал себя всю ночь перед сменой, но как ему быть, так и не понял. Он решил попробовать неподконтрольную ему обстановку, но боялся этого страшно. Ксюше он об этом решил никогда не рассказывать.

Туристическая база, где проходил праздник, была очень большой. Семь точек, семь актёров, у каждого по два ассистента. Грим актёрам делали очень качественный. Лёша был одет в длинную чёрную мантию, чёрные шаровары и гигантскую шляпу. На глаза нанесли тёмно-синие тени, а также подрисовали усы. Он играл путешественника во времени. От такого грима Лёша почувствовал себя комфортно и принял мысль, что если он опозорится, то это опозорится путешественник во времени, а не он. Ему нужно было просто ждать на условной точке, провести конкурс, а ассистенты если что подстрахуют.

У актёров всё проходило быстро. Но если Лёша работал примерно минут тридцать, то Ксюше пришлось следить за детьми все пять часов: на чаепитие, на встрече группы, на переходе от одной условной точки до другой. Лёша почувствовал страшнейшую несправедливость: «Мне платят в два раза больше, а делаю я в десять раз меньше». Он решил просто продолжать развлекать детей и помогать ассистентам. Хотя они справлялись намного лучше, чем Лёша: он хорош как актёр, но как организатор уступал позиции. Лёше было достаточно, что он был рядом с Ксюшей, хоть ей в той обстановке совсем не до него.

Когда мероприятие закончилось, Лёша выдохнул и обрадовался, что может с удовольствием провести вечер с Ксюшей, обсуждая моменты дня. Если бы он только знал, как на самом

деле всё обернётся... На одной из точек работал харизматичный актёр, Кирюша. Он был приветлив ко всем, но в каком ужасе был Лёша, когда видел его игры и шуточки с Ксюшей. Ничего лишнего не происходило. Так подумал бы любой. Но не Лёша. Когда вся группа освободилась от своих задач, Ксюша будто забыла, что Лёша там, рядом. Или забыла, что они знакомы, или что он вообще существует. Она даже проходя мимо, не смотрела на него.

В пять вечера закончилось мероприятие, в половине шестого Лёша проклинал жизнь: «Мы приехали сюда вместе, я предложил ей работу, решился работать с таким страхом, какой никогда не испытывал... А она меня даже не замечает. И ведь специально это делает».

Лёша вышел из дома, который служил актёрам гримёркой, и полчаса просто ходил из стороны в сторону. Проходившие мимо могли бы заметить по его лицу, что он сильно грустит, но никто не заметил. Настолько был хорош грим. Осознавая это, Лёша отчасти был рад. Он хотел, чтобы его печаль заметила только Ксюша и поняла его. Но как она увидит, что скрыто под гримом, когда вообще на него не смотрит? Он никогда не признается, обвинит жару и яркое солнце... Но грим стал растекаться, а глаза краснеть.

В конце концов к нему подошла Настя, девушка, предложившая работу. Она хотела сфотографироваться на память об этом опыте. Лёша не отказал. Как раз в тот момент Ксюша проходила рядом, и он сделал усилие над своим отчаянием, предложив ей сфотографироваться вместе.

— Ксюш, давай сфотографируемся на память?

— Нет, я не хочу. Я не фотогенична, — это была ложь, оправдание, страх, обида... Это могло быть всем, чем угодно, но только не правдой. Отчаяние Лёши не ушло, но ещё и добавилось смятение. Ксюшу будто подменили. Она не была такой зажатой, скованной.

Лёша сделал для себя вывод: Кирюша мог что-то ей сказать такого, отчего Ксюша просто решила брезгать своим другом, из-за которого она там. Он сделал этот вывод и стал думать лишь о том, как больно было от биения сердца с отдачей в висках и ушах. У него заболела голова, потерялось настроение. Он скорее смыл с себя грим, переделся и просто ждал, когда они поедут домой.

Оставалось совсем немного. Лёша бросил попытки обратить на себя Ксюшино внимание. Вся группа перед отъездом собралась подвести итоги и попить чай. Лёша смотрел на всех исподлобья и молчал, будто он никогда не проявлял актёрское мастерство и даже поздороваться с незнакомым человеком как будто бы постеснялся. Ксюша так и не обращала на него внимания. Кирюша занял ей место возле себя, налил чай. Она была укомплектована, о ней было кому позаботиться.

«И я бы мог о тебе позаботиться, ты бы только хоть разок подошла ко мне», — стоял и думал Лёша с усталостью от этой нескончаемой неприязни. В нём совсем не осталось энергии и сил. И ему место не нашлось, он стоял возле стола за спинами сидящих организаторов. В какой-то момент в комнату зашла ещё одна организатор, которую он раньше не видел. Это была безумно красивая высокая девушка, моложе остальных организаторов, но, конечно, старше лет на пять Лёши. Она сразу с улыбкой посмотрела на него, прошла мимо, взяла откуда-то стул и поставила позади другого свободного стула, который занимали как раз для неё. Кивком она позвала Лёшу сесть рядом, прямо за ней на этот стул. Лёше она была безразлична, хоть он и обомлел от её красоты. Ему просто стало тепло от того, что его кто-то взял под своё крыло. Удивительно, что это была не Ксюша, ведь они как минимум были близки, как минимум до этого дня.

— Я тебя здесь раньше не видела, — сказала девушка, наклоняя спину назад, ближе к Лёше.

— Я первый раз, правда. Хотя всё мероприятие тебя тоже не было видно.

— Я закусисный игрок, — сказала она дружелюбно, жизнерадостно, нежно, но при этом гордо. Лёшу зацепила эта фраза, зацепила больше, чем она могла значить. Даже больше, чем

Лёша мог себе придумать её смысл. Она пробралась в глубину его души. Вытеснила хоть на время мысли о плохом и зажгла любимейшие для него необъятные идеи. — Меня зовут Алёна, можешь звать меня... Алёна. Ха-ха. А тебя как?

— Меня зовут Лёша. Можешь звать меня путешественник во времени... Великий и ужасный. И как меня вообще сюда забросило...

— Ха-а-ха...

Они общались, пока пили чай, с долгожданным спокойствием, интересом и уютом, но краем глаза Лёша заметил интересную ситуацию. Кирюша начал засматриваться на Алёну. С тех пор как она пришла, он совсем не общался с Ксюшей. Но и не казалось, что она этого ждёт. А Лёша тем не менее был доволен. «Тебе шах, паршивец», — думал про себя он.

Когда все стали собирать вещи, Кирюша решил крутиться возле Алёны. Лёше было это безразлично. Он лишь подошёл к ней, обнял и тихо, почти про себя, сказал «спасибо». Она наверняка этого не услышала. Ксюша ждала Лёшу на улице с остальными, кому нужно было ехать в Шелехов. Так до самого дома они просто смотрели в окно, а разбирать события этого дня им пришлось каждому с самим собой.

Алёна спасла вечер, но на Лёшу ещё не раз нападала грусть. Он не отпустил свои чувства к Ксюше и только больше думал, почему она так его сторонилась и почему согласилась ехать на работу.

Боль пыталась его чему-то научить. Возможно, быть чёрствым, возможно, злым, а может, просто равнодушным. Но он её не слушал. Им перечислили плату за работу. А Лёша дал себе обещание поделить деньги поровну. Даже Ксюше мельком успел упомянуть ещё до работы, что он так сделает. И вот, ничего не сказав, он просто перечислил ей по номеру уравнивающую сумму. Он не хотел ничего ей писать, на это уже не было желания и сил, надеялся, что они и так договорились. Но она удивилась и решила написать.

— Зачем ты деньги перевёл?

— В смысле? Чтобы поровну было? Мы же договорились.

— Не-а, я не всерьёз говорила. Я тебе обратно переведу, — Лёша боялся этого. Он совсем не умел в делах коммерческих уговаривать людей принять его искреннее желание поступить так, как он видит это правильным.

— Ксюша. Успокойся. Насколько я помню, это я предложил.

— Нет, я переведу. У нас совсем разные роли были.

— Ксюш, у меня всё было просто, а у тебя совсем не просто. Девяносто процентов всей работы было на тебе. Я ж потому так и рассудил.

— Нет, давай переведу.

— Слушай, ты чувствуешь себя уставшей? Я еле отошёл, — написал он в панике, что не может никак переубедить Ксюшу. Ведь если она ему вернёт, он снова почувствует себя униженным, будто совершил глупость, хотя уверен в том, что это честно. Так нелепо перевести тему он и не надеялся успешно, но другая мысль ему в голову не пришла.

— Не переводи тему.

— Ксюша, да что ты волнуешься, как будто я тебе всё своё состояние перевёл. Я же просто хочу, чтобы всё было честно. Ты же мне не чужой человек. — И тут Лёша вспомнил, что на день рождения ему Вера подарила кружку. И у него была фотография, где он пьёт из этой кружки, смотрит в камеру, а указательным пальцем руки, которая эту кружку и держит, он показывает на надпись: «Алексей всегда прав». Он тут же отправил Ксюше эту фотографию.

— Ха-ха-ха, — успех! Шутка удалась, обстановка разряжена. Но Ксюша стояла на своём: — Тут неправду написали.

— Как это может быть? Я же Алексей. Ксюш, прошу, давай закончим этот пинг-понг.

Она отправила стикер, на котором написано «ОК». Хорошо, что это стикер — не кажется, что она разозлилась.

Тем не менее после этого спора Лёша совсем не чувствовал себя довольным. Но он решил, что ему просто нужно отдохнуть. Ему даже не пришло в голову, что проблема может быть в другом.

Ксюша уехала в деревню, Соня и Дима вот-вот вернутся в город, а Лёша, хоть и скучал по Ксюше и ребятам, всё равно с интересом проводил время с Верой. Но его всё мучало Ксюшино отношение к нему. Он решил довериться Вере и рассказать о своих переживаниях...

— Вот я и не могу никак понять, почему она меня начала избегать. Не сказать, что мы были друг другу лучшими собеседниками, но уж явно ближе.

— Леш, я тебе скажу, если ты не будешь злиться, — вдруг сказала Вера, жутко напугав его. Он предположил, что Ксюша за спиной высмеивает его, как часто в детстве с ним поступали.

— Скажи, что ты думаешь. Я не смогу на неё злиться, как бы то ни было.

— Да нет... я ей рассказала же, что она тебе нравится.

— Что?! — Лёша выдохнул, ведь ожидал более неприятный сценарий. — Вера, ты знаешь, что я пережил?! Фух, я не обижаюсь, нет. Но она же таких границ наставила, я думал уже, что она меня презирает. Кирюша... Какой я идиот. Ладно. Нам просто нужно время.

— Тебе надо было просто загасить этого Кирюшу.

— Как? В прошлое его отправить? — с отдушиной начал шутить Лёша.

— Высмеять его, показать себя, чтобы при мысли выбора «он или ты» тебя терять было страшнее.

— Как можно ставить её перед выбором? Как можно ей понять, я лучше или он? Я-то знаю, что я. Но она-то не знает, — пытаюсь засмеять собственное высказывание, сказал он голосом, будто воздуха в лёгких не осталось.

— Должна знать. Но, с другой стороны, и не обязательно, можно просто так почувствовать. Когда играешь в рулетку, ты ставишь либо на красное, либо на чёрное. Выбор должен быть. Он сделается сам, если не вмешаться. Вот, например, с Кирюшей она и не будет общаться, если судьба не даст ещё одну случайную встречу или они не решат списаться сами. Судьба отводит его в сторону. Но если ей вмешаться, она может всё поменять. Она этого не сделает, ей на него плевать, не переживай. Просто в жизни ты выигрываешь, если веришь в то, что твой выбор правильный. Стань правильным выбором. Но только знай... Ксюша сказала, что и с тобой... Чувства не взаимны...

— Да это понятно. Я же ей даже не признавался. Нужно просто дать время. А там... посмотрим, — он был уверен в том, что, когда говоришь сам, лично, это имеет совершенно другую окраску, другую энергию. И тогда он задумал проявиться перед Ксюшей. Может быть, ярче, может, остроумнее, а может, проявлять больше заботы и интереса. Ему не пришлось думать, что выбрать, он хотел попробовать всё это. Но нужно намного больше времени.

— Ну как знаешь...

Глава 6. Петросян

В школьные годы у подростков настолько беззаботное выдаётся лето, что если нет большой компании по интересам, как, например, у скейтеров было, то приходится суетиться над тем, чтобы эти заботы себе прибавить. Причём хочется, чтобы это было максимально ярко. Лёша постоянно думал о том, чтобы такое сделать, чтобы эти каникулы были незабываемыми. Соня и Дима приехали, Ксюша в деревне, Вера всегда была свободна. О Дане Лёша совсем не думал. Даня будто испарился. Ну, может, он и правда сидел дома, слушал свою грустную музыку и пытался придумать, как бы ему стать нормальным. Лёша даже не проверял, что он там делает — не писал, не звонил, не интересовался. Ему было плевать. Может, он был взят к нему, а может, просто Даня не вписывался в ту картинку, которую Лёша хотел видеть этим летом. А вписывалась только Ксюша. Хотя она была за триста километров, но это почему-то не мешало ей быть главной в его голове.

Близился день города, Лёша надеялся, что этот праздник Ксюша не захочет пропустить. Она сказала ему, что деревня далеко, за триста километров, но он не знал, что из себя представляет даже один километр. Он написал ей.

— Ксюша, ты приедешь на день города? А то у нас будет день города, а как он будет, если тебя нет?

— Нет, Леш, это дорого, тысячу на дорогу потратить придётся.

— Сколько?! Нет, ты не поняла, день города Шелехова, а не Москвы. Или ты на лошадях туда-обратно едешь?

— Ну я же тебе говорила, что это далеко. Это нормальная цена.

— Ну ладно, тысяча, согласен, очень много.

Прогулки, праздники, посиделки... Всё было весело и интересно. Но Лёша просто переждал эти дни, пока не вернётся Ксюша. Только Вера могла разжечь настолько сильный разговор, сильную обстановку, чтобы он хоть немного отвлёкся.

Август подошёл к середине. Лёша пошёл гулять один, хотел подышать, подумать, представить, как приедет Ксюша, и что он будет делать. Он никого не звал, чтобы никто не отвлёк его от этой мысли. Но вдруг ему пришло сообщение. От Веры. Фотография... Лёше пережало дыхание. На фото девушка и парень, держась за руки, поднимаются в гору. Кадр со спины. Он понял, что это была Ксюша. Вера написала, что она не уверена в этом. Но Лёша знал наверняка. Он это почувствовал.

День близился к своему завершению, а Лёша больше не выносил одиночество. Ребята были заняты, Ксюше он не напишет, звонить было некому. Он просто бродил по улицам, а каждый шаг становился всё медленнее и больше.

Проверил сообщения. Ничего. Ксюша не писала. Он сам не писал. И эта тишина резала больше, чем любой отказ.

«Чего я жду? — подумал он. — Она же не знает, что я узнал про эту фотку. Она вообще не знает, что я ревную. Потому что мы не вместе. Мы просто друзья. Друзья, блин».

Он хотел написать что-то острое, обвиняющее, но не мог подобрать слов. Он боялся, что если напишет, то сорвётся, наговорит лишнего. И тогда она перестанет писать ему насовсем.

«А если я завтра сдохну, она вообще вспомнит обо мне? Или ей будет плевать?»

Эта мысль была настолько резкой, что он даже засмеялся. Тихо, сам над собой. Потому что глупо страдать из-за человека, который даже не знает, что ты страдаешь. Глупо ждать, что она догадается, если ты сам не говоришь.

— Ладно, — сказал он пустоте. — Надо как-то жить дальше.

Но как? Он не знал. А легче не становилось.

Вдруг он увидел, что ему навстречу идут пара старых знакомых, хороших парней. К ним все обращались по их прозвищам: Садовод и Полночь.

— Парни, давайте выпьем? — сказал Лёша, не столько потому, что хотел забыться, а скорее, чтобы точно занять слушателей на несколько часов.

Время было позднее, открытые магазины если и были, то далеко. Лёша рассказал парням историю, что его так разбила. Садовод слушал с каменным лицом, а Полночь кивал, как будто он уже сто раз слышал такую историю и знает, чем всё кончится. Лёша чувствовал себя немного глупо, но остановиться не мог. Он говорил о том, как Ксюша уехала, как он ждал её всё лето, как ему прислали эту чёртову фотографию, и он чуть не сдох от ревности. Он говорил, что она, наверное, вообще не думает о нём. Что он для неё просто друг. Что он не нужен. Полночь перебил: «Брось, Леха, ты просто устал. Завтра по-другому посмотришь». Садовод хмыкнул и сказал: «Завтра он будет так же париться, просто не будет говорить. Но это пройдёт, не ссы».

Они предложили ему компанию. Полночь сказал, что знает место, где можно посидеть и никого не встретить. Садовод молча кивнул. Они давали ему советы, старались шутить, задавали вопросы. Их поддержка была очень эффективной в тот момент.

На следующий день Лёше не хотелось вставать с кровати. И через день. И через два. И так всю неделю.

Соня писала постоянно. Пыталась рассказать какую-нибудь историю или просто шутку, но Лёше было не до радости. Он вёл себя сухо, отвечал неохотно, никуда не выходил, разве что всего один раз встретился с Верой, максимально обсудив эту ситуацию с фотографией.

Дома Лёша взял книгу с полки. «Бремя страстей человеческих» Сомерсета Моэма. Когда-то он читал её взахлёб, втягиваясь в историю Филипа Кэри, его поиски, его боль, его дурацкую любовь к Милдред. Лёша помнил, как сидел ночами, не отрываясь, как ему казалось, что он чувствует то же самое, что чувствует герой. Тогда, год назад, эта книга казалась ему божественным откровением: кто-то написал всё, что он сам не мог высказать. Он открыл на закладке, на середине. Пробежал глазами, перевернул страницу, потом ещё одну. На третьей он понял, что не помнит ни одного слова из прочитанного. Герой страдал от любви. Лёша тоже страдал. Но теперь он не мог сопереживать Филипу, потому что слишком хорошо понимал, что тот чувствует. Слишком хорошо. Слишком знакомо. Слишком глупо. Он захлопнул книгу. Оставил лежать на столе, как напоминание о том, что даже литература теперь не спасает, а только множит его боль, превращая её во что-то похожее на избитый сюжет. «Вот бы и мне кто-то написал книгу, где я в конце получаю то, что хочу, что заслуживаю», — подумал он. Но написать такую книгу мог только он сам. А он не мог даже читать.

Через неделю своей апатии, так он называл своё состояние, Соне всё-таки удалось его вытянуть на прогулку с Димой. Вера была чем-то занята, она не пошла с ними. Они бродили по парку, как зомби. Соня пыталась заговорить о погоде, о планах, о том, какое классное лето и как она соскучилась. Лёша мычал в ответ. Дима, чтобы разрядить обстановку, рассказывал какой-то тупой случай из лагеря, где он был в детстве. Лёша даже не смеялся. Он просто шёл, смотрел под ноги и думал о том, как всё это бессмысленно. Соня в какой-то момент остановилась, посмотрела на него в упор и сказала: «Леш, ты вообще живой? Или ты просто ходишь?» Он пожал плечами. Он не знал. Лёше это было неинтересно. Они гуляли по парку, говорили о планах. Лёше это было неинтересно. Соня весь вечер справлялась о Лёшином настроении, пыталась затянуть его в диалог. Лёше это было неинтересно. Под конец вечера она предложила ему и Диме конфету. Дима охотно взял. А Лёше это было неинтересно.

Он понимал, что измучил Соню. Она реально пыталась быть рядом, тащила его на прогулки, смешила, делилась конфетами. А он просто игнорировал всё это. Он видел, как она смотрит на него с волнением, но в тот момент ему было всё равно. Ему казалось, что она не понимает его боли. Но, если честно, он и сам её не понимал. Он просто знал, что внутри него пустота. И эту пустоту нельзя было заполнить её конфетами, шутками или даже её вниманием.

Но и на это ему было плевать. «Неужели я настолько её любил, что она меня так разбила?» — так он думал о Ксюше.

На следующий день его начало немного отпускать. Компания собиралась уже не каждый день, а через два-три. Лёша вышел в первый раз после прогулки с Соней и начал поддерживать разговор. Через день уже начал шутить. А после и вовсе стал предлагать идеи, как проводить время. Но... Теперь Соня стала выглядеть мрачнее.

— Теперь у тебя апатия? — спросил Лёша, считая, что этот вопрос звучит остроумно.

— Нет, — сухо, строго, решительно ответила Соня. Она устала от эмоциональности Лёши и будто начала мстить ему тем же оружием.

— Сонь, я бы рассказал тебе, почему мне так тяжело было. Но прошу тебя, пойми меня, я не могу сказать, но я справляюсь с этим, — это подействовало на Соню, но она не подала виду. При этом Лёша не знал, что Соня в курсе, отчего Лёше было тяжело: ей давно уже об этом сообщила Вера. Хотя для неё это не была уважительная причина так с ней общаться, она же здесь ни при чём.

Эмоции захлестнули Лёшу примерно на месяц, до начала октября. Ксюша приехала, он даже не хотел смотреть на неё, старался с ней толком не общаться, сторониться. Но этот месяц все остальные тоже будто сторонились его. За эти чувства ему пришлось расплатиться непониманием от близких. Его ударили в сердце. Не успел он оклематься, следующий удар пришёл на его гордость. Он поставил сам себя перед выбором: либо униженно подстраиваться под настроение ребят, либо цинично и со злостью реагировать. С Соней он выбрал второй вариант: «Если моя печаль тебе так неужидна, наслаждайся моим гневом». Он так думал. Но не пытался её прямо обидеть. Просто решил поставить границу их личному общению, перестал заботиться, как обычно заботятся друзья, изредка шутил немного остроумно... Только в этих шутках было слышно его злобу, от этого становилось неудобно. Ему было наплевать. Он был убеждён в своей правоте и справедливости.

Когда Ксюша приехала, она рассказала про эту фотографию: что парень из деревни в какой-то момент схватил её за руку и решил, что она совсем не против. Она позволила так пройти секунд пятнадцать и лишь потом решила сказать ему, что ей некомфортно. Её сестра, Тома, шла сзади и, увидев эту картину, мгновенно её зафиксировала на камеру. Именно у Тома и нашли эту фотографию. Этот парень — сын полицейского, и в деревне эту семью знали все. Они там мало кого не знали, но эти люди были постоянно на слуху. А этот парень, которого все называли по фамилии, Петросян, среди подростков тоже был одним из тех, о ком постоянно шли сплетни. Вере Ксюша рассказала это сразу, как приехала. А Лёша решился спросить лишь через две-три недели, когда вдруг случайно кто-то пошутил, что она кому угодно даст себя поддержать за ручку.

Она смеялась, рассказывая это. Говорила, что Тома всё время шутит про этого Петросяна, что он «сын мента» и что все девочки деревни уже задолбались от его внимания. Ксюша рассказывала, как он схватил её за руку, как она не знала, что делать. Она сказала, что это было неловко и смешно, а не страшно. Но Лёша слушал и чувствовал, как внутри всё сворачивается. Ему казалось, что его загнали в угол. Он злился, что не знал этого раньше. Злился, что повёлся на фотку. Злился, что всё это было так глупо. Но его злость куда-то ушла, не оставив ничего, кроме тупой пустоты. Он был в ужасе, когда узнал это.

«Почему Вера мне это не рассказала сразу? Она же в курсе, что мне это важно. Почему я сразу отреагировал так остро? Но нет, это уже, наверное, не имеет значения, но рассказать мне нужно было сразу. Чёрт, да какой же я идиот». — Эти мысли ужасно тяжело переносил Лёша, потому что, узнав, как всё было на самом деле, ему не стало легче: настроение не приходило в норму, Ксюша не стала милее, сама эта апатия будто не ушла. Он начал думать, что просто устал. Но эта боль... он её не забывает. Уже не чувствует, но помнит её. Тогда он подумал, что просто разлюбил Ксюшу и даже без весомой причины.

Лёша вышел на балкон ночью. Стоит один, смотрит на луну. Ему холодно, но он не уходит. Родители уже спят. Он смотрит вниз и видит, как соседский парень выносит мусор, а его девушка ждёт его на улице. Он стоит, смотрит на неё, улыбается. Лёша наблюдает. Потом парень подходит к девушке, обнимает её, они что-то говорят и смеются. Лёша просто смотрел. Они уже ушли, но он смотрел, будто всё ещё там. И смотрел долго. «Сейчас меня не осудят, сейчас мне не сделают больно, сейчас я один, сейчас... Я прав. Я думаю, что я прав».

Глава 7. Ни слова вслух

Кровать заполняла большую часть комнаты, две тумбочки с разных её сторон делали обстановку богаче. На кровати сидели Вера, Ксюша и Соня. Дима сидел на полу, облокачиваясь на Верины ноги. Даня и Лёша сидели на стульях напротив ребят. Их положение создавало круг, они сидели друг напротив друга и играли в карты.

Вера была спокойна, она говорила больше всех, создавала обстановку, вернее, сохраняла её дружной. Она видела напряжение, которое сложилось между ребятами, но не решалась вмешиваться в это. Хотя, возможно, это и было нужно ребятам.

Девочки были ближе друг к другу, а от парней они будто слегка отгородились. Тем не менее в общей обстановке они были задумчивы.

Ксюша думала о том, что же чувствует Лёша, разлюбил ли он её теперь. Но почему он такой грустный? Почему Соня его сторонится? По ней было ясно видно, что ничего делать она с этим не собирается.

Соне же было просто скучно в кругу невыносимых интриг, хоть и не таких уж и великих, но таких, что заставили всех общаться с неловкостью. Лёша и вовсе ей перестал быть интересен. Она на него не смотрела, не говорила с ним, а если изредка и задаст ему какой-нибудь вопрос, то это выглядит будто натянуто.

Дима и Даня были в хорошем настроении. Они были в курсе всех распрей, но их это будто не волновало. Дима не понимал Лёшиних чувств, но не осуждал. Даня считал Лёшу значимым человеком в этой компании, тем, чьё мнение — одно из фундаментальных и ключевых.

Лёша смотрел на лица всех своих друзей — на стылую маску Ксюши, на непривычную строгость Сони, на лицо Веры, которое оставалось спокойным, будто она знала больше, чем говорила, — и понимал каждый взгляд, каждый шёпот, каждое изменение в мимике. Он видел, что люди думают, и был уверен в своём понимании. Не сказать, что он был мастером чтения людей, но в этот раз он был во всём прав. Как минимум потому, что мысли приятелей были логичны после произошедших конфликтов. Сам же он был в бешенстве от того, что некогда любимые люди вызывают в нём резкие чувства. Для него все эти интриги тоже были глупыми и ненужными: «В чём проблема, Ксюша, я же просто тебя люблю. Разве я давал повод меня остерегаться? Да я даже тебе не признавался. А ты, Соня... Я же не обязан ходить и развлекать тебя. Неужели я не могу погрустить? А ты ещё и злишься на меня? Куда я попал? Где мои друзья? Откуда такая тишина? Ну не мог же я её создать?»

— Раздавай, — сказал Даня Вере, — как раз на всех хватает.

— Быстрая игра, — Соня пыталась разрядить обстановку, но только посмотрит на Лёшу, и уже ей становится нужна разрядка.

— Это если у тебя карты хорошие, — начала Вера. — Посмотрим, что ты скажешь, когда всю колоду соберёшь. — Эта шутка понравилась всем, и она была нужна всем.

Козырем была масть «черви», а у Лёши были только чёрные карты: шестёрка крести, шестёрка пики, десятка пики, валет крести, дама пики, туз крести. Его это позабавило, будто судьба над ним подшучивает. Он решил провести параллель с его отношениями с девочками.

— У меня шестёрка, я хожу, — сказала Вера. Лёшу и это заставило улыбнуться.

«Все мы твои шестёрки... У неё, наверное, одни козыри в руке. Ой, да у неё может быть четыре туза и все козырные. Вот кому здесь хорошо. Все её любят, прислушиваются... Но она правда умная. Она заботится о девочках. Она же любит их. Да и будь я на месте Веры, я был бы доволен таким отношением. В чём я остаюсь согласен с ребятами, так только в том, что за Веру надо держаться», — Лёша считал, что если Вера будет гордиться им и восхищаться, то девочки, увидев это, начнут ему больше доверять, больше верить в то, что он особенный.

Когда дети показывают искреннюю любовь к отцу, это очень хорошо действует на их мать. Она их и так любит, а отец заставляет через своих детей гордиться им.

Вера ходит на Диму, три восьмёрки. Он отбивается десяткой, королём и тузом козырным. Ему подкинули две десятки, одна из них от Лёши, но их он отбить не смог. Забрал.

«Да, карты у меня плохие... Но я постараюсь отыграться... Хах, будто ты этого и ждёшь, судьбинушка, а?»

Лёша ходит на Даню. Две шестёрки, сразу подкинули третью. Отбился семёрками. Козырей не кидают. Он ходит на Соню. Валет пики. Лёша подкинул. Она бьётся дамами. Лёша подкинул даму. Она отбила козырной дамой. Никто не подкидывает, отбилась. Соня ходит на Ксюшу.

Валет буби. Она отбивается бубновым тузом. «БИНГО! Вот так-то, Ксюша... Знаешь, судьба, если ты мне правда что-то хочешь сказать, то я очень даже с тобой согласен», — Лёша просто взорвался от счастья и от такого интересного совпадения. Он подкинул туза.

— На, Ксюха, всё. Я как камень из почек... Вышел, — он знал, что эта шутка будет больше нелепой, чем смешной, но он так и хотел. Тем более что всем эта шутка понравилась, Вера от души посмеялась, парни тоже. Соня и Ксюша просто ухмыльнулись, но это тоже для него победа.

Лёша заметил, как Ксюша на секунду подняла на него глаза, когда он шутил. Она не отвернулась. Она просто смотрела, как будто решала, что ей делать с этим человеком, который сидит напротив неё и смеётся над своими же глупыми мыслями. На мгновение ему показалось, что она хочет сказать что-то важное. Но она отвернулась, и он понял, что это было просто совпадение.

— Лех, у тебя че вообще червей не было, — заметил Дима, глядя на его сброс. — Ты что, против всех играешь?

Лёша усмехнулся, но внутри что-то кольнуло. «Против всех? Может быть. Если не знаешь, кто твой друг, это значит, что ты играешь один».

У ребят игра продолжается, а Лёша решил выйти на кухню попить воды и немного порефлексировать. Его мысли в эту минуту были ему интересны, он не хотел, чтобы ребята их сменили. Каким бы ни был настоящий мир, тогда он хотел насладиться своим.

После того как Лёша вышел на кухню, он остановился у окна. За стеклом уже темнело, фонари горели тускло, двор был пуст. Он смотрел на улицу, но не видел её — он прокручивал в голове игру, карты, взгляды, молчание. Ему казалось, что он только что участвовал в чём-то важном, но не знал, в чём именно. Он сделал глоток воды и замер, услышав шаги. Вера вошла на кухню поставить чайник, она вышла второй.

— Ты чего застыл? — спросила она, ставя чайник. — Или ты уже не хочешь возвращаться?

— Я просто думаю, — сказал Лёша, не оборачиваясь. — Игра странная сегодня. Все молчат, как будто бояться друг друга.

— Это ты молчишь, — сказала Вера, доставая кружки. — Ты сидишь с таким лицом, будто ты на похоронах лабрадора. Другим тоже не до веселья.

Лёша повернулся и посмотрел на неё. Она стояла у плиты, спиной к нему, и голос её был мягким, почти заботливым, но звонким и низким. В этом голосе не было подвоха — или он просто не хотел его замечать. Лёша подумал: «Она всегда знает, что сказать. Как она это делает?»

— Вер, я не знаю, как быть, — сказал он тихо. — Я не хочу, чтобы всё разваливалось. Но я чувствую, что я не могу ничего исправить. Вернее... Всё не должно быть так сложно. Ну зачем? Кому это надо? Мы все будто боимся жить. Ну и как такое можно исправить?

— Может, тебе просто не нужно ничего исправлять? — спросила она, обернувшись, и снова повернулась к плите.

Она замолчала, и тишина стала тягучей, как вода. Лёша смотрел на её спину и ждал, что она скажет что-то ещё. Она не поворачивалась, только помешивала чай в кружке, и в этом было что-то слишком спокойное, слишком уверенное.

Лёша почувствовал, что ему это не нравится. Он подумал, что Вера что-то знает. «Вот о чём она? Что я нравлюсь всё-таки Ксюше? А если и так, вдруг я правда разлюбил её? А может, она ничего не знает? Или просто о чём-то другом?»

— Просто переключись, — сказав это, она тут же начала уходить в комнату. Лёша хотел остановить её, но вдруг появился Даня.

— О чём болтаете? — спросил он своим грубым низким голосом, но даже за этой грубостью было слышно, как он говорит с необоснованной игривостью, будто они любовники, хотя всем и так было понятно, что это не так. Скорее, так Даня хотел шуточно расположить Лёшу к себе, чтобы тот рассказал ему об их диалоге.

— Да я сам не понял, — и он сказал правду. Он только больше мучал себя вопросами, но вся эта загадочность ему очень понравилась. Ему стало невыносимо интересно.

Вскоре на кухне появились ещё ребята. Лёша подошёл к Вере и предложил ей встретиться на следующий день вдвоём и обсудить ситуацию в компании и то, о чём она говорила.

Время не щадило ребят. Терпение перерастало в колкости, оскорбления или равнодушие. Каждый хотел, чтобы вопрос решился. Но никто ничего не хотел для этого делать.

Вера с Лёшей встретились вечером. Она расспрашивала его об отношении к Ксюше, о дальнейших планах.

Они подошли к одиноким качелям, которые стояли посреди спокойного, почти застывшего двора. Небо уже потемнело, но не до черноты — до густой синевы, в которой ещё угадывались облака. Впереди, за редкими домами, виднелся парк — он казался тёмным и густым, как лес из детских страшилок.

— Я будто пытаюсь понять... Что мне делать? Терпеть или бороться? А может, просто ждать? А что, если я её правда уже не люблю? А если люблю? Наши отношения не покажешь даже в российском сериале. Я Филипп Кэри. У меня нет столько терпения... И столько опыта. — Лёша был максимально доволен, когда говорил о проблеме. Ему закралось чувство, что в этот момент ему приходит решение. А может, он, сам того не понимая, просто хотел выговориться.

— А у неё нет венерички, — сказала Вера, понимая, что Лёша пытается сравнить Ксюшу с Милдред.

— Тоже верно.

— Расскажи мне про Филиппа. Чем всё закончилось?

— Да ничем толком. У него был выбор: либо жить с прекрасной девушкой, которую он не любил так горячо, но всё равно восхищался ей и гордился, либо осуществить свою мечту и уплыть путешествовать по миру. Он выбрал первый вариант.

— Может, тоже выберешь?

— Был бы у меня выбор...

— Он есть всегда. У тебя хорошие друзья, готовые всегда тебя выручить. Семья воспитала тебя хорошим человеком, что уже немало. Конечно, не все люди будут это ценить, в меру своего опыта. Но ведь есть те, кто это ценит. И показывает тебе это. А ты просто не замечаешь... Соня всё время была рядом с тобой. Всё время переживала за тебя, пыталась помочь или просто сделать лучше. Может, тебе не нужна эта Милдред? Что было бы с Филиппом, если бы у них получились отношения?..

— Тоже венеричка...

— Лёша! Я говорю, присмотришься к Соне. Может, тебе она нужна? Может, с ней ты будешь счастлив?

Шутки он говорил не думая, но всегда, когда его сердце разрывалось, в кругу людей он шутил очень некстати. Наверное, это была его защитная реакция.

— Она очень хорошая. Она невероятно красивая. Но... Я не могу. Куда деть любовь, пусть она и отравлена уже змеей петросянской. Но она ведь есть. А если сойтись с Соней через силу, то разве это справедливо? Это даже оскорбительно, по-моему. У Филиппа как будто всё было своевременно. А у меня вовсе не так. Я должен прожить сперва свои печали.

— Соня не дожждётся тебя. Пока ты топишь себя в своих мыслях о «люблю — не люблю», девочки будут жить, им совсем не в радость будет видеть твоё кислое лицо. — Она говорила спокойно, но строго. Это была правда, которой он был благодарен. И он верил ей. Потому что у самого мысли были не настолько убедительны.

— Я думаю, мне нужно всего несколько дней, чтобы прожить это. Давай поговорим об этом позже. Я ведь педант. Я должен разложить всё по полочкам у себя в голове. Тогда я буду чувствовать себя лучше. А ты, Вер, правда мне очень сильно помогаешь.

Их вид был уникален. Они смотрелись будто аристократы, которые обсуждают бренность всего сущего на холодном ветру, который трепал её аккуратно уложенные волосы и его пальто, единственное пальто в их округе. Вера была одета опрятно, дорого и строго, а её макияж был безупречным, как у женщины, которая знает, что на неё смотрят.

Они дошли до магазина.

— Лёша, займи мне на бананы, — в своих просьбах Вера пыталась прибавить нежности в голосе и глазах, чтобы выглядеть милее. Не потому, что боялась отказа, а скорее, чтобы в моменте просьбы чувствовать себя комфортно, по-женски.

— Конечно, — денег у него было, что только на эти бананы и хватит. Но он не жалел, ведь сейчас ему ничего не нужно, а потом у него будут уже другие деньги.

Когда они разошлись по домам, Лёша вдруг вспомнил свою мантру.

«Когда же мой звёздный час? Когда мне нужно вступать в бой? Когда я смогу проявить свою неотразимость? Я не хочу устать в суете ненужных проблем и мусора, бессмысленно придуманных людьми. Когда всё будет так, как надо? Когда...» — Он думал обо всём. Ксюша... Соня... Как много всего, что не зависит от него. Ему это было ново, потому что считал себя важным в их историях. И он был таковым, просто не пытался ставить себя в той позиции, исходя из их миропонимания. Он думал долгие часы. Остановил себя только сном.

Глава 8. Война и мир

После той встречи у Веры прошло два дня. Лёша почти не выходил из дома. Он смотрел в потолок, листал телефон и пытался понять, почему всё пошло не так.

В пятницу вечером Дима написал: «Приезжай, заночуем у меня. Родителей нет». Лёша ответил: «Еду». Ему хотелось отвлечься. Или хотя бы не быть одному.

Когда Лёша приехал, Дима уже настроил телевизор, подключил его к компьютеру. Они уселись на диван и включили первую серию. В комнате было темно, только экран освещал их лица. Лёша старался смотреть, следить за сюжетом, но мысли всё время уходили в сторону. Он видел лица актёров, но слышал голос Ксюши. Он пытался запомнить диалоги, но в голове крутились слова, которые Соня сказала ему в последний раз.

К середине второй серии Дима встал, чтобы сделать чай.

— Ты как? — спросил он, даже не глядя на Лёшу.

— Нормально, — ответил Лёша. Но голос прозвучал так, будто он сам не верил в это.

Дима вернулся с кружками и сел рядом. Сериал пошёл дальше, но Лёша вдруг понял, что не помнит, о чём была первая серия. Ничего не отложилось в голове.

— Дима, — сказал он, глядя в кружку. — Я хочу тебя спросить.

— Да, — ответил Дима, не отрываясь от экрана.

— Ты заметил, что Ксюша меня избегает?

Дима перевёл взгляд с телевизора на Лёшу, потом снова на экран.

— Не знаю, не слежу, — ответил он безразлично.

— А Соня?

Дима пожал плечами.

— Они просто закрылись, — сказал Лёша, будто сам себе. — Я не понимаю, что я сделал. Я же был таким же, как всегда. Ну, кроме того, что грустил. Но я не мог притворяться.

Дима ничего не сказал.

— Я просто устал, — продолжил Лёша. — Но они, кажется, восприняли это как личное оскорбление.

Он замолчал. Сериал продолжался. Лёша смотрел на экран, но его мысли были далеко. Он думал о том, как Ксюша смотрела на него в тот день у Веры — как она смотрела и не подходила. Он думал о том, как Соня вдруг стала холодной, хотя раньше она пыталась его вытащить. И всё это теперь казалось ему странным, неправильным.

— Я считаю это нечестным, — сказал он наконец.

Дима повернулся к нему.

— Что нечестно?

— То, что они не хотят меня понимать, — ответил Лёша. — Когда я был в апатии, они могли бы просто быть рядом. А они ушли.

— Может, они не хотели уходить, — сказал Дима. — Может, они не знали, как тебе помочь.

— Они могли бы спросить, — резко ответил Лёша. — Они могли бы сказать: «Что с тобой?» А не просто отвернуться.

Дима помолчал.

— А ты мог бы им сказать.

Лёша замолчал. Он чувствовал, что Дима прав, но ему было тяжело с этим согласиться.

— Может, я не умею просить о помощи, — сказал он тихо.

— Ну так научись, — ответил Дима.

— Я не знаю, что мне делать, — сказал он.

— Ничего. Просто живи. Не пытайся быть тем, кого они хотят видеть. Будь собой. Если они поймут — хорошо. Если нет — их потеря.

Лёша не ответил. Он думал о том, что Дима никогда не был строгим, но сейчас говорил ему правду. Прямую, простую, без утешений. Он говорил так, будто это было очевидно. И Лёша вдруг почувствовал, что ему становится чуть легче. Потому что он хотя бы признал её вслух.

Они легли. Дима уснул быстро, а Лёша ещё долго лежал в темноте, глядя в потолок и чувствуя себя так, будто его вырезали из того круга, который он считал своим.

Он думал о Ксюше, об Соне. Он хотел, чтобы они поняли его. Но он понимал, что, возможно, они просто устали ждать, когда он станет прежним. Он не знал, сможет ли он когда-нибудь быть прежним. Или ему нужно стать совсем другим.

На уроке немецкого Лёша сидел на своём обычном месте — у окна, второй ряд. Рядом с ним, как всегда, была Соня. Так было с самого начала, с первого урока, когда она первой заговорила с ним, когда её взгляд искал его, а он тогда почему-то отворачивался. Он вспомнил это сейчас, сидя за партой, и ему стало не по себе.

Учительница что-то объясняла у доски, ребята отвечали. Лёша повернулся к Соне и решил пошутить — просто чтобы проверить, как она отреагирует.

— Вы сегодня, девушка, будто картавить вздумали? — сказал он тихо, с улыбкой. — Как ваши дела? Есть какие-нибудь тайны, которые вы готовы доверить вашему соседу?

Она улыбнулась, но не повернулась к нему. Взгляд её был устремлён на доску, будто там происходило что-то очень важное.

— Всё хорошо, — ответила она коротко.

— Прямо всё-всё? — не унимался он. — А мне казалось, что вы, фрау Соня, последнее время какие-то загадочные. Или это просто у меня воображение разыгралось?

Она покачала головой, но так и не посмотрела на него.

— У тебя просто воображение, — сказала она.

Он хотел сказать что-то ещё, но увидел, как она отодвинулась чуть дальше к краю парты. Она не смотрела на него. Она делала вид, что слушает учителя, но Лёша видел — она не слушает. Она просто избегает его взгляда.

И он вдруг вспомнил, как всё начиналось. Как она сидела и улыбалась ему, как он чувствовал её взгляд на себе. Тогда он отводил глаза. Теперь она отводила. И он почувствовал себя так, как будто время сжалось в пружину, и она разорвалась.

— Соня, — сказал он тихо, — ты чего?

— Я на уроке, Лёша, — ответила она, всё ещё глядя вперёд. — Хватит меня отвлекать.

Он замолчал. Её голос был спокойным, ровным, но в нём была стена. Он почувствовал себя школьником, который пришёл не вовремя. Он отвернулся к окну и смотрел на улицу, пока учительница снова начала что-то объяснять.

Он думал о том, как всё изменилось. Как они сидели здесь же, когда он ещё не знал, как с ней говорить. Как она улыбалась ему, когда он не смотрел на неё. Теперь он смотрел на неё, а она улыбалась только преподавателю и одноклассникам. И в этом была какая-то несправедливость, которую он не мог объяснить. Он не сделал ей ничего плохого. Он просто устал. И она это заметила. Но почему она решила, что его усталость — это её вина?

Он смотрел на доску, но не видел её. Он чувствовал, что Соня сидит рядом, но она была далеко, как никогда раньше.

— Ты обиделся? — вдруг спросила она.

— Нет, с чего бы, — пытался он ответить ровным голосом, но получилось очень скверно.

— Да ладно тебе, не обижайся, — слегка ткнула она его по плечу.

Он снова замолчал. Снова не мог сказать ни слова от внутренней обиды. Будто на него опять напала апатия, будто они с Сонею снова поменялись ролями. Уроки закончились. Лёша пришёл домой и выдохнул, что хоть дома не ломает голову о том, как правильно надо жить.

Через несколько дней после уроков Лёша встретил Веру. Она сама написала ему: «Выходи, погуляем». Ему казалось, что она, как и раньше, сможет объяснить ему то, чего он не понимал. Они шли по парку, ветер трепал её волосы, она говорила о чём-то своём, а Лёша слушал, стараясь отвлечься от мыслей о Ксюше и Соне.

— Ты чего такой кислый? — спросила она вдруг, останавливаясь.

— Устал, — ответил он.

— Я понимаю, — сказала Вера. — Ты, наверное, чувствуешь, что ты не в центре внимания. Но не думай, что тебя кто-то забыл.

Она улыбнулась и продолжила идти, а Лёша пошёл рядом.

— Кстати, — сказала она как бы невзначай, — у нас с девочками теперь есть свой маленький чат. Мы там всякой женской ерундой делимся. Не то чтобы секреты, просто...

Она махнула рукой, будто говоря: «Это неважно».

— Ну, что-то вроде «кто сегодня всплакнул от гормонов» или «у кого всё болит». Ты знаешь, я их успокаиваю, говорю, что это пройдёт. Иначе — никак. Ну не могу я слушать их стоны без смеха. Хотя девочкам много что есть сказать, помимо этого, в тайне.

Она засмеялась, и Лёша невольно улыбнулся.

— Надо же, — сказал он. — А я думал, вы только о серьёзном говорите.

— Меж ног фонтаны красные хлещут, Лёша, — ответила Вера. — Куда ещё серьёзнее? Но и другое уже не для чужих ушей. Ты же понимаешь. Мы, девчонки, иногда не хотим, чтобы парни знали, что у нас в голове. Это я тебе так, вкратце рассказала.

Лёша не знал, как интерпретировать это «не для чужих ушей». Но в голосе Веры не было злости — она говорила легко, почти весело. И он понял, что она не хочет его обидеть. Просто она считает, что есть вещи, которые ему знать не обязательно. И он не стал настаивать.

— Я думал, вы и так близки, — сказал он.

— Близки? — переспросила она. — Ну, мы же подруги. Но ты же знаешь, я люблю, чтобы всё было просто. А к чему вообще этот вопрос? Я же тебе о том и говорю, что они мне доверяют.

— Да я просто... Да, ты права. — Он просто хотел убедиться. Если Вера им так близка, то они и о Лёше ей рассказали бы, если бы что-то, конечно, хотели сказать против него. Но Вера молчала. Лёшу это успокаивало.

Лёша чувствовал, что всё, что он копил в себе, вырывается наружу. Ему нужно было сказать это хоть кому-то. Хотя бы ей. Она всегда знала, как слушать. Она была той, кто держал их компанию, кто знал секреты, кто умела говорить слова, которые не ранят. И он решил.

— Я хочу тебе кое-что сказать, — начал он, замедляя шаг. — Ты же будешь молчать?

— Что за тайны? — усмехнулась Вера. — Если это про Ксюшу, я уже догадалась.

— Не только про Ксюшу, — ответил Лёша. — Сейчас... Я думаю, мне нравится Соня.

Она остановилась и посмотрела на него. Не с удивлением, не с радостью, а с какой-то странной смесью любопытства и настороженности.

— Соня? — переспросила она. — Ты уверен?

— Да, — ответил он и сам удивился, как легко это слово сорвалось с языка. — Не знаю, как это объяснить. Я просто стал замечать её больше. Как она смеётся, как она смотрит, как она переживает. Мне кажется, я не замечал этого раньше. Ксюша измучила меня своим холодом, своей бурей. А Соня... она будто тихая тёплая гавань, в которую уже давно пора войти...

— Фу... Лёша, фу.

— Да ёмаё. Вот поэтому, Вера, мне не стать рядом с тобой поэтом. Вот ну всё опошлишь, — сказал он с весёлым удивлением, от того, как оказывается можно было понять его слова.

Она смотрела на него с лёгкой улыбкой, но Лёша не мог понять, что за ней скрывается.

— Ну, если так, — сказала она, — то я рада за тебя, конечно. Она хорошая девочка. Только вот...

Она замолчала и посмотрела куда-то вдаль.

— Только вот что? — спросил Лёша.

— Ничего, — ответила она, качая головой. — Просто не торопись. Пусть всё идёт своим чередом.

Она не улыбнулась, не сказала «я рада», не спросила, что он чувствует. Она просто сказала «не торопись» и пошла дальше, как будто он сказал ей что-то незначительное. Лёша почувствовал, что его признание было встречено холодом. И этот холод был хуже, чем если бы она сказала ему правду.

«Что опять не так, ты ж сама хотела этого, даже пыталась прямо продвинуть Соню. А теперь тебе будто не нравится это. Или что? Может, тогда ты думала, что это хорошая идея, а сейчас нет?»

Они подошли к магазину.

— Леш, купишь бананов? — спросила она как в тот прошлый раз, тем же тоном и взглядом.

— Куплю, конечно, — его это немного позабавило. — Теперь ты не занимаешь? Хотя даже не отдала.

— Какой ты мелочный, — лицо Веры переменялось. Она стала моментально негативной, но совершенно не растерялась. Будто она изначально хотела проверить Лёшу, но он не прошёл эту проверку. — Мне от тебя ничего не нужно. Я отдам тебе за бананы.

Она говорила негромко, но резко. И эта резкость ударила его сильнее, чем крик. Лёша чувствовал себя неудобно. Он не знал, почему она так отреагировала. Он хотел сказать, что это была шутка, что он просто пошутил, но слова застряли в горле.

— Я просто пошутил, — сказал он наконец.

— Пошутил он, — повторила она. — Смешно. Давай так: если я тебе что-то должна, скажи прямо. А не прячь за шутками.

Она повернулась к нему. Её глаза были спокойными, но в них была та же холодная ясность, которую он замечал у неё раньше, когда она говорила о своих проблемах.

— Ты знаешь, что я тебя ценю, Лёша? — сказала она. — Ты хороший друг. Но иногда ты ведёшь себя так, будто мир вращается вокруг твоих обид. И это утомляет.

Лёша хотел возразить, но слова застряли в горле. Она улыбнулась — на этот раз мягче — и добавила:

— Ладно, забудь. Пошли дальше.

Она пошла вперёд, и Лёша пошёл за ней. Он чувствовал, что между ними что-то изменилось. Она стала ближе к девочкам, а он стал дальше от всех. И этот конфликт из-за бананов только показал ему, как легко он может стать чужим.

Но в этот раз он не испугался. Что-то застряло в горле? Так вот он откашлялся и сказал.

— Зачем ты меня просила «занять»? Сказала бы «купи». Или что, боишься, что раз ты мне не девушка, то я скажу тебе, что ничего тебе не должен, сама похай на свои бананы? Ты сейчас серьёзно из-за бананов мне какой-то конфликт устраиваешь. Да ты же сама понимаешь, что ни мне, ни тебе они вообще никак жизнь не усложнят и не облегчат. Что ты мне кастрюлю делаешь? Если я в чём-то тебе не угодил, то скажи прямо.

— Всё хорошо, я же сказала. Ладно, потом увидимся, мне пора домой.

Она ушла. На следующий день в школе она с ним не говорила, не смотрела на него, не хотела даже отвечать, если он начинал разговор.

Через день было так же, а через неделю его удалили из общей беседы компании. При встрече в школе он не сказал ни слова. Молчал. И все молчали тоже. Он не знал, что они думают. Он даже не хотел знать. Он просто шёл мимо, глядя вперёд, и чувствовал, что его не существует в этом мире.

Полгода молчания. Февраль. Девочки поздравили парней с днём защитника Отечества. Они подарили им футболки с отпечатками поцелуев всех девочек класса. Теперь у парней стояла задача приготовить подарок на Восьмое марта.

— Ты как? — к Лёше подошёл одноклассник, с которым до тех пор вовсе не общался. Его тоже зовут Лёша. — Ты займёшься подготовкой праздника? Я бы тебе помог. Но мы все знаем, что для творческого подхода ты лучший.

Алексей Курзин. Он был заядлым технарём. Парень невысокого роста, с умеренным обаянием, но очень строгим взглядом на жизнь. Никому его чёткость не мешала жить, он никому её и не навязывал. Но если его спросить мнение о чём-либо, в чём тот разбирается, то никто не сможет его переубедить. Напротив, у Лёши Курзина всегда были исчерпывающие аргументы. Только если запутать и сильно юлить, можно было выиграть с ним спор.

У Лёши было прозвище, которое он никогда не использовал сам. Но все вокруг, особенно «крутые парни», называли его именно по прозвищу. Лёша Перф. Он не знал, почему его называли так, ведь перфекционистом его было назвать трудно. Но он просто принял это имя и полюбил его.

— Вы правда этого хотите? Лех, я с удовольствием возьмусь за эту работу, если мне пообещают чёткую и строгую дисциплину. Наш подарок получится фееричным, но для этого нужно поработать, — ответил Перф, пытаясь нарочно показаться строгим и при этом несколько загадочным.

— Об этом не беспокойся, главное — идея, реализация и само поздравление. Никто не может даже одной идеи придумать, поэтому у нас не остаётся выбора. Только... Ты же понимаешь, что не стоит особенно реагировать на Веру, Ксюшу...

— А что с ними? — перебил его Перф. — Мы были с ними друзьями, но расходились не в бою. Да и потом, давно это было.

— Ну хорошо. Так что скажешь? Есть идеи? Хотя бы одна.

— Есть пять.

— Вот об этом я и говорю... Это задача по тебе. Что думаешь выбрать?

— Сделаем всё, — ему самому невероятно нравилась перспектива ответственности. Любовь к одноклассникам у него была огромной, но и Ксюша с Соней вовсе не вызывали у него плохих эмоций. Наоборот, именно из-за них он и хотел сделать этот праздник незабываемым. — Итак, по порядку: торт, видео, мишки, квест... Денег будут стоить только мишки, а торт много и не потребует, если учесть, что мы все скидываемся.

— Давай подробнее.

— Мы снимаем с парнями видео, где мы ищем, что подарить девочкам. С юмором, со сценарием, с сюжетом. Готовим большой торт на всех. Начнём с квеста, потом покажем видео, дарим мишек, потом вынесем торт.

— Я насчитал четыре идеи. Что с пятой?

— Она самая лучшая, но... я не уверен.

— Ну говори, хоть обсудим.

— Я написал песню. Она уже готова. Если споём её под гитару, это может стать перформансом. А на видео мы, например, находим бумагу, которая оказывается текстом этой песни.

— Это лучший план, который вообще можно вообразить. Мы должны это сделать.

— Тогда сделаем.

Как Лёша Курзин и обещал, подготовка вышла без форс-мажора. Репетиции проходили с максимальным участием всех парней. Уже само видео растрогало половину класса. А под конец Лёша Перф взял гитару, парни встали возле учительской доски...

«Вот он я. Вот они вы. Теперь я вижу ваши глаза. Я вижу глаза каждого. Вы, наверное, думаете, что сейчас ничего не случится. Но моё сердце замерло. И я вижу... Я чувствую, что ваши сердца замерли тоже. Руки мёрзнут. Надо начинать. Нельзя опозориться. Надо играть»,

— он хотел просто стоять и смотреть в глаза своим родным девушкам. Ком начал подступать к горлу. Столько взглядов, и только чуткость и нежность виднелась в них. Он посмотрел на Лёшу Курзина и почувствовал, что друг его подстрахует, если что-то пойдёт не так. Страх ушёл. Настала тишина. Большой палец сорвался по струнам. Началась песня.

Куплет пропели всего три парня, но как только начался припев, вступили все остальные. Экспрессия мужских голосов идеально подчёркивала кульминацию песни. В классе потекли слёзы. Ксюша смотрела на Лёшу так, будто видела впервые. Соня улыбалась, и в этой улыбке не было обиды.

«...И глядя с окна, прямо на облака
Я буду скучать, тебя вспоминать.
Я помню всё время, что с тобой провели,
Как за партой сидели в наши лучшие дни...»

Девочки снимали парней на видео, а за окном очень кстати добавлял атмосферы дождь. Они плакали. Вера была поражена больше всех. А Лёша понял, что только таким он и должен быть.

«Мне не стоит заботиться, стану ли я поэтом или нет. Я уже поэт. Таково моё сердце. Такова моя любовь и боль. Я страдал, а люди это знали. Но теперь они увидели то, что я могу... Сделать. Я это увидел. И даже этого уже достаточно. Может, это и был мой звёздный час, но нет... На этом я не остановлюсь».

Глава 9. Мужская солидарность

В субботу утром Лёша написал Вере. Он долго смотрел на экран, перечитывал, удалял, снова писал. Ему было трудно, но он знал, что если он этого не сделает, то всё останется в том же состоянии, в котором он не хотел оставаться.

«Вер, давай встретимся. Нужно поговорить».

Она ответила через час: «Давай. В два у парка».

Он пришёл раньше. Стоял у входа, смотрел на пустые дорожки, на редких прохожих, на голубей, которые клевали что-то у скамейки. Он не знал, что скажет, но знал, что должен это сделать.

Она пришла ровно в два. Без опозданий, без извинений. Подошла, остановилась напротив него, посмотрела спокойно, как будто они виделись вчера.

— Ты чего такой серьёзный? — спросила она. — Пойдём, купим мороженое.

— Я не хочу, — ответил Лёша. — Давай просто посидим.

Она пожала плечами, села на лавку. Лёша сел рядом, но не близко.

— Я хочу сказать тебе кое-что, — начал он. — Мне нужно, чтобы ты выслушала.

Она кивнула, скрестила руки на груди, но лицо её оставалось спокойным.

— Я хочу извиниться, — сказал он. — За то, что говорил о деньгах. Это было глупо и мелко. Ты была права, когда сказала, что я веду себя как ребёнок. Я не хочу быть таким. Я хочу, чтобы между нами снова всё было хорошо.

Она смотрела на него, не перебивая. А потом её взгляд стал жёстче.

— Ты правда думаешь, что это можно просто так забыть, Лёша? — сказала она. — Ты обиделся на меня за бананы. Ты ушёл из компании, молчал полгода. А теперь хочешь просто прийти, сказать «прости» и чтобы всё стало как раньше?

«Я обиделся на бананы? Ты серьёзно? Ты сожрала меня за то, что я пошутил. Ты назвала меня мелочным, а сама устроила скандал из-за двухсот рублей. Это ты ушла из компании. Ты меня выкинула. Ты молчала полгода. Ты ни разу не спросила, как я. Ты просто ждала, что я приползу и извинюсь. Ну вот я приполз. Довольна?»

— Я не думаю, что это будет просто, — начал он, опуская голову. — Я понимаю, что я был не прав.

— Ты не думал, когда уходил, — продолжила она. — Ты не думал, когда молчал. Ты не думал, что я тоже могла переживать. Что мы все могли переживать. А теперь ты приходишь, говоришь, что ты был неправ, и ждёшь, что я скажу «всё хорошо»?

«Ты переживала? Да ты была в своём чате „Трио“, ты была с ними, ты управляла ими. Ты даже не заметила, что я исчез. Ты была занята своей игрой. А теперь ты говоришь мне о переживаниях? Ты не переживала. Ты просто ждала, когда я вернусь и встану на колени».

— Я не жду, — ответил Лёша тихо. — Я просто хочу, чтобы ты знала, что я сожалею.

— Сожалеешь? — переспросила она. — Ты даже не знаешь, что было на самом деле. Ты думал только о себе. О своей обиде, о своей гордости. А о нас ты думал?

«А о нас ты думал... Ты знаешь, что я чувствовал? Ты знаешь, как мне было больно, когда я видел, что вы собираетесь без меня? Ты ни разу не спросила, что со мной. Ты просто отодвинула меня, когда я перестал быть удобным. И теперь ты хочешь, чтобы я чувствовал себя виноватым? Я не виноват. Я просто устал быть тем, кого вы можете взять и выкинуть».

— Я знаю, — сказал Лёша, сглатывая. — Знаю, что я был эгоистом. Я просто... — он замолчал, не зная, что сказать, и, опустив голову, добавил: — я был дураком.

«Я был дураком, потому что поверил тебе. Потому что думал, что ты на моей стороне. А ты просто ждала, когда я сломаюсь. Ну вот я сломался. Наслаждайся».

Вера смотрела на него, и он чувствовал, что она ждёт ещё чего-то. Может быть, слёз. Может быть, ещё большего унижения. Но он молчал. Он просто сидел и смотрел вниз, чувствуя, как внутри него зреет холодное бешенство.

— Я не хочу сейчас говорить об этом, — сказала она наконец. — Ты пришёл извиниться — хорошо. Я слышу тебя. Но я не хочу, чтобы ты думал, что я сразу всё забыла. Это было важно. Для всех.

«Для всех? Для кого „для всех“? Для тебя, Ксюши и Сони, которые даже не спросили, куда я делся? Они ни разу не написали. Они даже не заметили, что меня нет. Ты рассказывала им что-то? Ты говорила им, что я ушёл, потому что я плохой? Ты им сказала, что я виноват? Я знаю, что ты им сказала, Вера. Ты сказала им, чтобы они не писали мне. Чтобы они забыли меня. И они забыли. Легко. Как будто меня никогда не было. А теперь ты говоришь, что это было важно для всех?»

— Я понимаю, — сказал Лёша, чувствуя, как унижение смешивается внутри с облегчением, что она хотя бы говорит с ним. Он поднял голову и посмотрел на неё смиренно. — Ты права. Я просто хочу, чтобы мы могли быть снова вместе. Как раньше.

Она посмотрела на него долгим взглядом, будто проверяя, действительно ли он осознал её слова, а потом вздохнула и почти устало сказала:

— Ладно, забудем. Я не смогу тебе доверять, но то, что ты сказал. Я тебя услышала. Я тебе поверю.

Они шли по улице, сворачивая в тихие дворы, где ветер гонял сухие листья по асфальту. Вера молчала, но Лёша чувствовал, что она что-то копит внутри. Наконец она выдохнула, будто сбрасывая груз.

— Знаешь, я всё думаю о Шохрухе, — сказала она с кривой усмешкой. — О том, как я на него запала. Господи, какой же он был придурок. Я тогда думала, что он — небожитель. А он просто ходил по школе с таким видом, будто у него между ног золото, а не то, что у всех.

Лёша усмехнулся, но не перебивал.

— Я строила из себя жертву, а он был просто пустым местом.

— Ну, пустым, но красивым, — заметил Лёша.

— Красивым? — фыркнула Вера. — Он выглядел так, будто его собирали из того, что осталось после других, как на авторазборе. Волосы вечно торчат, улыбка дебильная. Я просто была слепа, Лёша. И тупая. Как последняя дура.

— Ну, зато у тебя были мечты, — сказал Лёша.

— Мечты? — фыркнула она. — У меня были лягушки в голове. Лягушки, которые прыгали и верили, что он станет царевичем. А он даже не квакал в мою сторону.

— Узбекский царевич? — хмыкнул Лёша. — С пловом в руках и с самоваром?

— Ой, у него там не плов, — отмахнулась она. — У него там в голове одна пустота. Как в пустыне. Только барханы.

— И ни одной лягушки, — добавил Лёша.

— Ни одной, — согласилась Вера. — Даже лягушка умнее его. И прыгает дальше... Но я бы его зачмокала, конечно.

Они оба засмеялись. Лёша чувствовал, как напряжение уходит с его плеч.

Они вышли из двора на центральную улицу. Вера взглянула на часы, потом куда-то вперёд и махнула рукой.

— А вот и они, — сказала она. — Ксюша, Соня, сюда!

Лёша поднял голову и увидел, как они идут навстречу. Ксюша — сдержанная, с лёгкой улыбкой. Соня — чуть живее, волосы развеваются на ветру. Когда они приблизились, повисла та самая короткая неловкость — будто все проверяли, можно ли уже смеяться.

— Ну, привет, — сказала Вера, опережая всех. — Мы уже пошутили про лягушек, про узбеков и про старую «шестёрку». Вы опоздали на лучшую часть.

— Привет, шутница, — усмехнулась Соня. — А чего, без нас веселитесь?

— Вы снова общаетесь? — перебила Ксюша Соню.

— Да, — ответил Лёша, — у нас с Верочкой симбиоз.

— Пёс и симбиоз, — засмеялась она, следя за реакцией Лёши, чтобы понять, оценит ли он эту шутку.

Лёша улыбнулся и посмотрел на неё с прежней нежностью. С той, которую уже даже успел забыть, заменив её в памяти на петросяновскую горечь. «Ну неужели... Ну что, так трудно быть настолько приветливыми? Неужели так было трудно сломать Петросяну пару пальцев, чтоб не тянул свои культики?» — думал он с облегчением, насыщаясь сложившейся обстановкой.

Они пошли дальше по городу. Говорили о школе, о планах на выходные, о фильмах. Вера продолжала шутить, Соня хихикала, Ксюша иногда вставляла комментарии. Лёша смотрел на них и чувствовал, что этот день стал первым, когда он снова чувствует себя живым.

Вера пригласила ребят к себе, попить чай, поболтать. Они сидели долго, потом пошли в комнату гадать на картах. Вера всегда интересно об этом рассказывала, хоть в этот раз на себя гадать никто и не хотел.

Лёша смотрел на Соню, которая сидела рядом с ним, и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее.

«Мне нравится, когда она смотрит на меня, — думал он. — Я хочу, чтобы она запомнила меня таким. Не больным, не обиженным, а тем, кто умеет быть рядом».

Ксюша говорила о чём-то с Верой, и её голос звучал мягко, без напряжения. Лёша смотрел на неё и чувствовал, что он больше не злится на неё.

«Раньше я думал, что я хочу быть с Ксюшей. Но теперь я знаю, что это было просто желание быть нужным. Соня... Она другая. С ней я чувствую, что я могу быть собой. Я хочу, чтобы она была рядом».

Вера смотрела на них, иногда вставляя шутки, иногда просто улыбаясь. Лёша не знал, что она думает, но ему казалось, что она довольна тем, что они снова вместе.

— Лёша, ты чего такой задумчивый? — спросила она. — Пришёл грустить или веселиться?

— Я веселюсь, — ответил он с улыбкой. — Просто мне хорошо, как после литра егермейстера.

Он не знал, верит ли она ему. Но он знал, что в этот момент ему действительно было хорошо.

В школе всё было как обычно. Уроки, перемены, голоса в коридорах. Но Лёша замечал, что девочки здороваются с ним не вскользь, а как раньше, когда всё было просто. Ксюша кивнула ему, проходя мимо. Соня улыбнулась, когда он вошёл в класс. Вера громко позвала его по имени, чтобы он сел с ними за парту и над чем-то посмеяться.

И в этом тоже была странность. Слишком быстро. Слишком легко. Как будто полгода молчания не было вовсе. Лёша не знал, как к этому относиться. Он был рад, что его снова принимают, но внутри оставался осадок — он помнил, как они молчали, как он ждал, как никто не написал.

Но он решил не ворошить это. Он будет просто идти дальше.

Когда он был уже дома, ему написал Курзин.

— Привет, занят?

— Нет, говори.

— Слушай, я с начала десятого класса разошёлся с друзьями, каждый занимается своими делами сейчас. А теперь мне только с тобой получилось хорошо заобщаться. Ты интересный человек. Может, прогуляемся? Я знаю, у тебя своя компания, но, если ты будешь ими занят, скажи, я же вам не помешал бы?

— Алексей, я у них узнаю, но я думаю, проблемы не будет. А если они и будут против, то ничего страшного, если я денёк проведу не с ними. Ты и сам знаешь, что у нас и без того был опыт в полгода.

— Отлично. Спасибо.

Перф слегка слукавил, но лишь слегка. Он правда был не против Курзина, хотя очень не хотел прилагать руку к тому, чтобы в компании появился новый человек. Боялся брать ответственность, если что-то пойдёт не так. Хоть его никто бы и не обвинил в таком случае, Перф был уверен, что обвинит себя сам.

Лёша Курзин не был человеком загнанным, особо странным, неуклюжим или каким-либо таким, чтобы его можно было поставить ниже себя. Перф показался ему перспективным и умным человеком, способным создавать, творить и улучшать обстановку. Под этим впечатлением и началось их общение.

В компании его приняли сразу. Сел, посмотрел, послушал. Иногда вставлял что-то по делу, но не лез, не перебивал.

Он был дотошным. Не в смысле занудства, а в смысле отношения к делу. Если брался за что-то, то доводил до ума. В музыке, в учёбе, в организации. Он не любил, когда что-то делалось на отвали. Но он не пилил людей, просто делал так, как считал нужным. Если кто-то хотел помочь — отлично. Нет — он справлялся сам.

В жизни он был чётким. Без лишней суеты, без резких движений. Если говорил, что будет в шесть, — значит, в шесть. Если обещал помочь — помогал. Лёша это сразу оценил. Рядом с ним было спокойно. Не как с теми, кто говорит одно, а делает другое, и не как с теми, кто ждёт, что ты всё решишь за них.

Но на фоне остальных он иногда выглядел неподходяще. Когда компания включала музыку, чтобы просто послушать, он начинал оценивать качество записи. Мог вдруг сказать: «Сведение так себе, бас уехал в левый канал», и все замолкали. Он слышал то, чего другие не замечали, и это иногда выключало его из общего потока.

Парни стали хорошими друзьями. Они друг к другу испытывали уважение, восхищение и страх. Страх — особенно правильное чувство в их обстановке, ведь практика социальных отношений современного мира весьма показывает весьма неутешительные результаты. Парни понимали это, даже в своём возрасте, не пережив особых конфликтов, предательств, угнетений. Каждый из них видел интеллектуальную силу друг друга, потому начали общаться с осторожностью, но вскоре они выработали доверие друг к другу. Но бояться они не перестали. Скорее, боялись они теперь сгруппировать, показать несоответствие уровню друг друга.

— Вот как так выходит, что только ты начинаешь говорить с Верой, вы теряетесь на часы, обсуждая закон всемирного тяготения? — спрашивал Перф, когда гулял с Курзиным по магазину вдвоём после очередного затяжного учебного дня. Когда школа всех вымотала до изнеможения, эти двое находят в себе энергию прицениваться к сыркам.

— Она начала говорить о том, чего не понимает? Я решил ей растолковать.

— Леха, да она у тебя спрашивала, что это за мир и куда он тянет. Тебе посмеяться надо было, а не отвечать, — сказал он совершенно ровно, будто ему было на самом деле всё равно, даже скучно.

— Леш, можно я задам тебе вопрос личного характера? — спросил Курзин с чёткостью и спокойствием, глядя другу в глаза, будто ждал ответа именно из глаз.

— Давай.

— Тебе Соня нравится? — внезапно задал он вопрос в лоб, уверенно ожидая честности и открытости от Лёши.

— Неужели это настолько заметно? — подтверждающе спросил Перф.

— В том и дело, что непонятно. Ты вроде то к Ксюше с особым вниманием, то к Соне. Хотя к Соне, как будто, больше.

— Пятёрка тебе за внимательность. А вот сомнения убери. Ты сильно прав. Только ты не сумел объяснить себе эту неразбериху с девочками. Я и сам не знаю, чего хочу, Леш. Вот так, как ты сказал, — это лучшее объяснение того, что происходит. Глубже сказать даже я не могу, — он ответил воодушевлённо, диаметрально переменив своё вовлечение в диалог. Очевидно, этот разговор ему был интересен и даже приятен. — А почему спрашиваешь? Тебе что, Вера рассказала о наших прошлых интрижках?

— Нет... Я знаю только то, что ты мне говорил. Просто мне Соня нравится. Я спрашиваю, чтобы узнать твоё отношение. Одно твоё слово, и я отступлю, ты ведь мой друг, — говорил он просто, будто совсем не переживал, что тоже хорошо подействовало на друга.

— Ты серьёзно? Я... Я не знаю, что и сказать, — на мгновение он показался расстроенным, удивлённым, потом вовсе казался счастливым. — Ты меня прости, но я не смогу тебе ничего ответить решительного. Давай просто она будет выбирать сама, а мы с тобой просто общаться с ней в силу наших возможностей... Но, знаешь, после того, что ты мне сейчас сказал, ты всегда будешь достоин моего искреннего уважения... Ха-ха. Я уже даже подумываю, что буду рад, если она выберет тебя. Спасибо тебе, друг.

«Вот он, пример настоящего мужчины, человека высоких социальных нравов, самоуважения и достойной самооценки. Легендарный ум... Чем же ещё он способен меня удивить...»

Глава 10. Сердца трех

Лёша перестал ловить взгляд Сони. Она больше не искала его. Раньше, когда они сидели за одной партой на немецком, он чувствовал её внимание даже когда она смотрела в доску, он знал, что она чувствует его присутствие. Теперь этого не было. Она смотрела на доску, на учителя, на свои записи, но не на него. Будто он совсем перестал быть той загадкой, человеком полной оригинальной энергии, способным сделать историю жизни особенной. Но он видел, как быстро таким человеком стал для Сони Лёша. Хотя он был и не одним парнем из окружения девочек, кто получал столько внимания.

«Нет, у Лёши нет шансов. Я это знаю. Я помню, что было между нами, он так не сможет. Но ведь и меня она не ценит... Что ей нужно?» — этими мыслями Перф оставлял себе надежду, он пытался ей, но этого было недостаточно, чтобы он захотел бороться с полной волей. Он просто опускал руки, общался сколько мог в меру своей душевности. Но свою изобретательность он попросту зарывал.

Даня стал набирать обороты. Он научился шутить хоть и заученно, но с интересной подачей и интонацией. Её было недостаточно, чтобы убедить Лёшу Перфа и Курзина. Но девочки на это велись.

Ксюша вовсе стала редким собеседником Лёше. Она начала общаться с парнем из класса — Никитой. Никаких признаний, никакого флирта, но Лёша видел, как она улыбается ему чуть теплее, чем другим. Он заметил, как она смеётся над его шутками, как она не отворачивается, когда он говорит. «Столько внимания... Из-за чего?» — думал Перф, но не собирался ничего с этим делать.

Лёше не было больно. Но он чувствовал странную пустоту, когда видел их вместе. Будто что-то, что было частью его жизни, перестало быть его частью. Он смотрел на них и думал о том, как она раньше смотрела на него. Как она ждала, что он сделает первый шаг. Как он молчал. И теперь она просто перестала ждать.

«Я не люблю её. Я знаю, что не люблю. Но почему мне так паршиво, когда она смеётся с ним? Может, я просто не хочу быть тем, кто остался ни с чем? Может, я боюсь, что, если я отпущу её окончательно, то окажусь совсем один? А может, я всё-таки её люблю? Может, мне больно постоянно, и я просто перестал это уже замечать?» Эти мысли мучали его. Назойливо и медленно они его вгоняли в безделие, которое возвращало в эти мысли. Порочный круг. Больше этого он мучал себя непониманием своих истинных желаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.